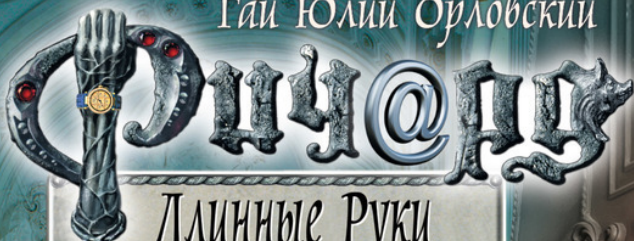


Гай Юлий Орловский



Длинные Руки
Рицард и Великие Маги



Гай Юлий Орловский
Ричард и Великие Маги
Серия «Ричард Длинные
Руки», книга 52

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28714888

Гай Юлий Орловский. Ричард Длинные Руки. Ричард и Великие Маги:

Издательство «Э»; Москва; 2018

ISBN 978-5-04-090771-7

Аннотация

Рыцарская конница в лязге доспехов и грохоте копыт вломилась в изящный мир века Просвещения с его свободами, упадком морали и развитием искусств. Суровые нравы героев Севера сшиблись со сладкой распущенностью и доступностью женщин Юга, а вера в непогрешимость Церкви больно ударилась о заманчивую возможность рушить любые устои.

Устоит ли благородное рыцарство в сладком мире колдовства и магии? И на чьей стороне окажется непредсказуемый сэра Ричард?

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Гай Юлий Орловский

Ричард Длинные Руки.

Ричард и Великие Маги

© Орловский Г. Ю., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Серия основана в 2004 году

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Часть первая

Глава 1

Над головами безмятежно-серебристое синее небо, безоблачное и высокое. Легкий ветерок слегка шевелит белые плюмажи на стальных шлемах, конские гривы отливают вороненым металлом, мир нежится в теплых лучах солнца, птички поют, все блаженствует, только люди столпились вокруг меня с лицами, полными тревоги.

Даже Альбрехт застыл, строгий и торопливо просчитывающий последствия резких перемен, лишь Макс смотрит в нетерпении и в полнейшей уверенности, что вождь с неожиданностями справится, а он под его знаменем уже мысленно высаживает десант в королевствах. Местные народы следует покорить, а уцелевших – осчастливить верой Христа.

Десяток военачальников поднялись в седла, молча ждут, легче поймать ветер в горсть, чем предугадать мои имперские решения.

Норберт произнес ровным голосом:

– Ваше величество?

Сухой и твердый, как старый дуб, выстоявший сотни лет под жаркими и ледяными ветрами, с чисто выбритым лицом

и воинственно приподнятыми кончиками усов, он держит коня в поводу ровно, голос нейтрален, но в суровом взгляде ожидание ясного и четкого ответа.

Я помедлил, стараясь побыстрее переосмыслить резко изменившуюся ситуацию. Зайчик подо мной переступил с копыта на копыто, вздохнул и с укором взглянул на несерьезного Бобика, что упал на спину и машет в воздухе лапами.

– Операцию, – не произнес, а проговорил я державным голосом, – по принуждению Великих Магов к миру продолжаем в полном объеме. В духе либеральных ценностей военного времени.

Норберт кивком головы указал в сторону рабочих, продолжающих вытаскивать камни из завала.

– Но... сэр Ричард!

Я повысил голос:

– То, что двое из людей императора ринулись в туннель, не значит, что вот сейчас там о нас все узнают и полезут!.. Сперва во глубине местных руд взволнуются, будет долгое карканье и перекаркивание, а потом сядут осмысливать новую и весьма невероятную ситуацию. Осмыслят и расколются на поверивших и утверждающих, что рабочим почудилось. Рабочие – люди подлого звания, как им верить? Правую руку от левой не отличают! В общем, начнутся споры, а умные умничают долго, надо же себя показать? Чтобы не, а то как всегда и у всех. Не лесорубы в таверне, а советники императора! Хорошо понимают, ставки никогда еще не были

такими высокими. Потому решать будут долго.

Он уточнил:

– А мы?

Я коротко пожал плечами:

– Подумаешь, крохотная утечка информации! Планы не меняем, но все же слегка корректируем.

Он осведомился деловым тоном:

– В какую сторону?

– Император Герман, – напомнил я, – в конце концов поднимется наверх, уже зная, что здесь не совсем то, к чему готовился. Но мы тоже знаем, что он знает, а знание как бы сила даже там, где не слыхали о Френсисе Бэконе.

– Император тоже знает, – ответил он, – что мы знаем. Кстати, моих отрядов хватит, чтобы удержать их в подземельях до вашего возвращения! Сколько бы их там ни полезло.

– Операцию по принуждению империи к демократии, – сказал я веско, – завершим раньше, чем. Мы не будем здесь сидеть и ждать, как вороны какие-то. Это унижительно для нашего высокого достоинства варваров Севера. Император воздымется... нет, выползет из пещер в совсем иной мир. И никаких магов за его спиной! Кроме совсем уж мелочи, которыми можно пренебречь.

Он смолчал, но заговорил приятным мягким голосом герцог Гуммельсберг, самый нарядный в моей армии:

– А пренебрежем? Ваше величество?

В его сдержанном голосе отчетливо прозвучало сомнение.

Остальные военачальники помалкивают, смотрят в ожидании.

– Примем меры, – ответил я уклончиво. – Оставьте охрану. Те, убежавшие от нас, не так уж сразу доберутся до самых дальних и глубоких подземелий. Там еще не один заслон на пути!.. Но и потом, услышав невероятные новости, император все равно не двинется сразу в столицу. Он и его окружение понимают, что она захвачена неизвестными пришельцами, а столкновения с опасным, непонятно откуда явившимся врагом им не по зубам.

– Подождут вас?

– Увидим, – отрезал я. – Десант загрузили?.. Тогда вперед и с песней! Весь мир насилия мы разрушим. Времени у нас много, но мало. Мы все предусмотрели, кроме неважных мелочей.

Норберт молча слушал нас с Альбрехтом, в его взгляде я прочел, что спотыкаются как раз на мелочах, но не сказал ни слова, я не только знаю, но и спотыкался не раз, нечего тыкать палкой в больные места.

Больше ничего не спрашивая, он взмахом руки послал небольшой отряд легкой конницы в сторону скрытого убежища императора. Как только исчезли за горами извлеченного из туннеля камня, он развернул коня и понесся в сторону исполинского купола Маркуса, под солнечными лучами еще более яркого, уже не злобно-багрового, а почти пурпурного.

Остальные военачальники, все еще встревоженные и взволнованные, тихо переговариваясь, послали коней за всеведущим начальником разведки в сторону распахнутого зева трюма Багровой Звезды Зла.

Чудовищно огромный купол цвета созревшей вишни, похожий на раскаленный слиток металла, пугающе упирается вершиной в синее небо, а блистающая доспехами, щитами и наконечниками длинных копий конница нескончаемыми рядами продолжает вливаться под его край и пропадает из виду во все еще пугающих внутренностях.

То ли мое сердце стучит слишком уж громко и взволнованно, то ли в самом деле в грозном топоте копыт смутно звучит величественная музыка великого похода, но осознание, что мир вот с этого шага будет иным, наполняет душу трепетом и понятными опасениями.

И отвечаю за это я, что воодушевляет, так как все еще молод и распираем энтузиазмом. Но и страшно. Хоть и молод, но уже не дурак, да и старые книги читал, а они еще те страшилки и предупреждалки.

За моей спиной прозвучал тихий голос:

– Ваше величество...

– Карл, – произнес я с упреком, – ну что и вы меня величествуете?... Да еще наедине?

В голове послышался смешок:

– Магов всегда подозревают, потому почаще подчеркиваю свою верность. Вы спасли мою шкуру, потому я всегда ваш,

сэр Ричард.

Он чуть выдвинулся из незримости и встал рядом. Некоторое время мы смотрели, как блещущая металлом конница поднимается по широкому багровому трапу к черному зеву Багровой Звезды Зла, Бобик понесся было за ними, но остановился и в нетерпении оглядывался на меня.

– Я побуду здесь, – сказал Карл-Антон. – Как бы далеко вы ни забрались, я прибуду к вам, если здесь что-то случится... раньше, чем вы ожидаете.

– Спасибо, – сказал я с чувством. – Я сам хотел вас попросить.

Он сказал с усмешкой:

– Что просить – приказывайте.

– Не хочу приказывать друзьям, – ответил я. – Да и просьбу вы скорее выполните, чем приказ, не так ли?

– Все-то вы понимаете, сэр Ричард, удивительный человек...

Бобик снова оглянулся и, получив мысленное разрешение, метнулся вслед за конными отрядами. Арбогастр пошел величественно и гордо, помахивая роскошной гривой, а я вперил взор в эту Багровую Звезду Смерти, как ее называют. Сам все еще не понимаю, порождение это непредсказуемого космоса или же создание древних мастеров, чье умение ушло так далеко даже от моих причудливых представлений, что уже и не магия, а нечто более странное и могущественное, чем магия.

Эта Багровая Звезда все еще подстраивается под меня, но слишком уж наши эпохи далеки одна от другой. Хорошо хоть, что перестала проглатывать моих людей, ощутила неудовольствие более разумного симбионта, но остальное ей дается с огромным трудом. А я чувствую себя как человек, который старается пошевелить ушами, иногда даже удается, хотя чаще ни в какую. Говорят же, в наших телах двести мышц от обезьян, что вроде бы не давали упасть с дерева даже во сне, так я вот ее потомок, который пытается нащупать в себе эти никогда не работавшие в нем мышцы.

Правда, кое-что получилось еще с первой-второй попытки. За несколько дней, пока я там лазил, в трюмах втянулись обратно в стены сталагмиты и сталактиты, пол теперь идеально ровный, а по стенам уже не стекают широкие потоки вязкой и липкой слизи. Отвращение ко всем этим непотребствам я выразил достаточно ярко и сильно, Маркус уловил и, к огромному моему облегчению, убрал эти мерзости, хотя филигонам они то ли казались изысканно красивыми, то ли были полезными.

Арбогастра и Бобика я оставил на нижнем этаже, там сейчас почти половина моей армии, пять тысяч человек, сам поспешил наверх. Тамплиер и Сигизмунд с первых дней усердно чистили пещеры от чудовищ, хотя кто знает, что за твари, а вдруг ремонтные механизмы?.. Впрочем, ладно, все потом, потом, как всегда, когда спешим.

Ступенек нет, однако поверхность Маркус сделал настоль-

ко шероховатой, что подошвы не скользят даже при очень сильном наклоне, но все равно нужно научить делать эти самые привычные нам ступеньки.

За спиной позвякивает металл, это помимо Хрурта и Умальда, моих вечных телохранителей со времен моего баронства, по распоряжению Норберта за мной неотлучно следуют двое лучших его разведчиков, хороших как воины, а еще самых быстрых гонцов.

Один сказал просительно:

– Ваше величество!.. Ну позвольте мне впереди? Мало ли там что...

– Хочешь, – ответил я, – чтобы тебя называли императором?.. Послужи еще...

После первого нашего вторжения в Маркус подниматься выше стало легче, хотя все еще нет привычной разбивки на этажи. Некоторые области вообще недоступны, туда ни дверей, ни нор, сплошная масса камня или металла. То ли отживший свое рудимент, то ли там непонятные мне механизмы, что работают на слишком далеких от понимания принципах.

Оба стража перевели дыхание, когда я подошел к пещере, которую еще в прошлый раз облюбовал под кабинет. Здесь за это время стало шире и больше похоже на комнату. Даже на стенах что-то вроде выступающих из псевдокаменной или металлической поверхности щитов, рыцарских панцирей и скрещенных копий, это Маркус смутно улавливает образы

из моей памяти.

Я на ходу потрогал такой полуутопленный в камень щит, пальцы ожгло холодом, словно внутри стены абсолютный ноль, но воздух в помещении именно тот, который нужен теплокровному человеку, пусть он и драчливый петух с плоскими ногтями и даже местами мыслящий тростник.

Возможно, смутно улавливая то, что мне нравится, Маркус научится четче представлять образы, и когда-то эти щиты можно будет отделить от стены, хотя что вон там за жуткий ковер с шевелящимся длинным ворсом на глазах проступает с противоположной стены, не представляю, такого никогда не видел.

Посреди кабинета большой стол, изготовили не то в Штайнфурте, не то в Вассу, городах-близнецах по обе стороны скардера, два десятка роскошных кресел, принесенных из брошенных вельможами дворцов и поместий, в углу несколько бочек с вином, без этого мои бравые воины не мыслили отправляться за океан сражаться с нынешним Злом.

Понятие дверей Маркусу незнакомо, он вроде муравейника с множеством пещер и запутанных ходов, потому Хрурт и Умальд остановились по ту сторону неровного входа в мою пещеру.

Я сказал коротко:

– Отдыхайте. За время полета ничего не случится... Маркус, закрой наружный вход... Теперь поднимись выше... еще

выше...

На всякий случай даже глаза закрыл, чтобы лучше сосредоточиться и представлять, что мы с Маркусом делаем как единое существо. Даже не пытаюсь представить, как он без всякого ускорения может перемещаться в пространстве, а если на огромной скорости останавливается мгновенно, то нас не только не бросает в стену, а вообще не замечаем изменений.

– А теперь прем в той же манере... в сторону востока... Не слишком быстро, а то мои картографы не успевают...

Досадливо подумал, что последнее брякнул зря, а то еще начнет раздумывать, что такое картографы, и почему не успевают, и что надо сделать, а мыслит не мозгом, как подзреваю, а парой ганглий, как у муравья, потому так остро и нуждается в более развитом симбионте.

– Просто двигаемся, – сказал я уверенным голосом, – там скажу, когда остановиться.

Некоторое время усиленно мыслил и прорабатывал варианты наших действий в империи Клонзейд, но долго чувствовать себя Наполеоном не удалось, из туннеля, который предпочитаю называть коридором, донесся приближающийся стук сапог с металлическими набойками.

Под широкой аркой прошли блещущие доспехами Альбрехт, Норберт и Палант, двое матерых волков и ясноглазый волчонок, хотя Палант держался рядом со мной в последних войнах, но все равно розовощекий и не растерявший способ-

ности мило и по-девичьи краснеть.

У Норберта на плечах короткий изящный плащ такого странного цвета, который я назвал бы маскирующим, в самом деле стальные доспехи скромно укрыты, в то время как у Альбрехта сияют ярко и победно, начиная от шлема, который красиво держит на сгибе левой руки, и заканчивая сапогами, где кожи не видно под наползающими одна на другую стальными пластинками, каждая еще и украшена затейливым рисунком.

Его серые глаза, за которыми всегда ощущаю могучий и цепкий разум, вперили в меня острый взгляд.

– Что за тоска на вашем челе, сэр Ричард?.. Там ваши люди кричат, что мчимся над миром так, что не угонится самая быстрая птица!

– Как драконы, – уточнил Норберт и добавил педантично: – Наверное.

Я указал на большой стол, где столешницу во всю длину занимает наспех нарисованная карта.

– Полюбуйтесь, это составлено по наблюдениям нашей разведки. С багеров. Впечатляет?

Глава 2

Они обошли стол, рассматривая карту со всех сторон, наконец Норберт проговорил привычно сухим голосом без всяких эмоций:

– Да, размеры, как вы говорите, весьма.

– Весьма зело, – подтвердил Альбрехт. – Это только империя Германа Третьего, не так ли?

– Восемнадцать королевств, – сказал Норберт, но в голосе прозвучало сомнение. – Сужу по маршрутам багеров. Представлены должны быть все. Или не все? Что-то слишком много пустых мест.

Палант взглянул на него быстро, но смолчал, Альбрехт обронил:

– Границы здесь не отмечены.

– Примерные знаем, – сказал Норберт.

– Предполагаем, – уточнил я.

– Багеры дальше ни в какую? – уточнил Альбрехт.

– Только в границах империи, – ответил за меня Норберт, как начальник разведки, он выяснил это раньше всех. – Что дальше... только Господь знает. Сэр Ричард?

Я кивнул.

– Вот-вот. Прем в неизвестность, в которой весьма уютно, что опять же не факт, расположилась империя Клонзейда, именуемая империей Извечного Света. Она втрое больше империи Германа Третьего! Считается самой крупной и могущественной. Но самое главное... там конклав Верховных Магов.

Палант, почтительно помалкивающий, сказал живо:

– Сэр Ричард, но разве Верховные Маги не каждый по себе?

– Каждый, – подтвердил я. – Но в империи Клонзейда сумели ужиться четыре Великих Мага! У них не союз, а, как говорят источники, нечто большее. Они как бы один человек в четырех телах, потому это нечто невероятно могущественное.

Альбрехт сказал мрачно:

– Источники достоверные?

– Не такие, – ответил я, – как ваши разведчики, у тех все проверяемо, а подлинность слухов можно только оценивать с той или иной вероятностью риска.

Они переглянулись с Норбертом, Альбрехт пробормотал:

– Тогда спешка понятна. Торопимся, пока не вылезли? Особенно если выберутся из пещер эти четверо, что один. А что тревожит больше, чем обычно?

– Откусили слишком большой кусок, – проговорил я с тоской. – Когда же научусь сперва думать, а потом...

Они переглянулись, Норберт и Палант начали всматриваться в карту, но, как вижу по их смущенным лицам, больше для того, чтобы не отвечать.

Альбрехт сказал с холодной бодростью:

– Подумав, пришлось бы делать то же самое.

– Мы же прибыли с Севера только в империю Германа Третьего, – сказал я зло. – Только к нему... Чтобы щелкнуть по надменно задранному носу и предупредить, чтобы к нам не лез. Но здесь власть не столько у королей, сколько у магов. Ладно, магов слошим...

– А королей еще легче, – сказал он. – В чем тоска?

– А дальше? – спросил я. – На материке восемь империй!.. Восемь!.. И каждая, как гласят недопроверенные источники, крупнее нашей северной. И что, их маги вот так позволяют отнять власть?

Палант устрашенно переспросил звонким юношеским голосом:

– Восемь империй?... Не королевств?

Норберт напомнил будничным тоном:

– В империи Германа Третьего восемнадцать королевств. В других и того больше... Однако у сэра Ричарда под седлом Багровая Звезда Смерти! А повод он зажал в недрогнувшей длани. И сам уже сопит, как бык перед броском на красную тряпку.

– И все-таки мы обнаглели, – сказал я трезво. – Дурь от победы над филигонами ударила в головы. А останавливаться теперь нельзя, вот что страшно и очень серьезно. Мы сами в ловушке.

Их лица становились все серьезнее, доходит медленно, однако доходит. Даже Альбрехт помрачнел, а плечи впечатлительного Паланта сгорбились, словно уже приняли часть этой незримой тяжести.

Норберт пробормотал:

– И что... впереди бесконечная война?... У вас же Маркус, сэр Ричард!

– Маркус, – ответил я, чувствуя холодную тяжесть в гру-

ди, – слишком большой молот. Ладно, давайте разработаем план. Вообще-то раньше нужно было, но сложностей пока не вижу, что погано. Только бей со всей дури по торчащим гвоздям... Сэр Норберт?

Он сказал с некоторой озабоченностью:

– Голова кругом от масштабов, но меня другое беспокоит. Как видите по карте, Клонзейд, как и другие империи, для нас закрыт. В смысле, не удалось отыскать багеры, что ходили бы за пределы Жемчужной империи Германа Третьего.

– Багеры, – сказал я сквозь зубы, – проклятые багеры... Уверен, их поставили в старину обслуживать какие-то местные рудники и склады. А после катастроф спасшийся народ селился там, где видели эти транспортники и где они зависают в воздухе. Образовывались селения, города и потом разрастались в королевства. Все вдоль маршрутов багеров. История везде одинакова! Селятся у рек и дорог.

Он сказал безнадежным голосом:

– Ничего не понял, но когда с вами иначе? В других империях свои багеры? Которые не пересекаются и даже не со стыкуются с багерами империи Германа?

– То ли багеры, – ответил я с неохотой, неприятно признаваться в незнании перед подчиненными, – то ли вообще что-то непонятное. Помните паровоз, что мы мастерили на Севере?.. Он таскал целую платформу с народом!.. Даже коней перевозили. А в Клонзейде должно быть нечто подобное, только покруче... Хотя вряд ли что-то слишком иное...

Унификация и единые стандарты рулят... Во всяком случае, в Клонзейде на поверхности были свои рудники, свои склады и свои заводы, но все, понятно, давно стерто с лица земли, кроме подземных шахт. Но багеры там свои местные, глупо возить сырье за тысячи миль!..

Альбрехт подал голос, не поднимая головы от стола с расстеленной картой:

– Королевства разные, а багеры везде одинаковые?

– Уверен, – сказал я. – Когда-то было одно королевство Древних. Большое. На континент или планету... потом скажу, что это такое. Багеры были одинаковыми, такими и остались, а королевства на руинах навозникали разные... Потому и боюсь, что если попытаемся ухватить слишком большой кусок, можем подавиться. Или надорваться.

Альбрехт выпрямился, а за ним и подражающий ему Палант.

– Сэр Ричард, – сказал Альбрехт с оскорбительной вежливостью, – а не поздно лить слезки?..

– Вы правы, – ответил я с сердцем, – дорогой герцог! Потому сэр Норберт сразу выделит людей, что и в Клонзейде прокатятся на всех багерах, если они там есть! Нужно нанести на карту маршруты, города, селения и все, что может затронуть наши интересы. А вы отвечаете за сведение всех данных в единый датацентр, чтобы скрупулезно нанести на карту империю Клонзейда!

– Может, – предложил он, – как-то пошарить в спальне

императора?

Я огрызнулся:

– Думаете, я отягощен деликатностью? Такая дурь правителям не свойственна. Просто на случай, если не отыщем императорскую, я у него все перины переверну!

Палант уточнил звонким голосом:

– Сэр Ричард, мы в Клонзейд наскоком или как?

Я ответил уклончиво:

– Посмотрим. Это зависит?

Он засиял, не без оснований предполагая, что получится скорее всего или как, а Норберт сказал суховато:

– На Севере было проще.

– И мы были проще, – согласился я. – И невиннее.

Самый просторный зал, где можно поместить всю армию, у внешней стены Маркуса, там устрешенно увидели, что ужа-сающе медленно плывем над землями Жемчужной империи. Хотя, конечно, на самом деле ни один конь не угонится, но с этой высоты выглядит так, словно ползем неспешнее сонной улитки.

Норберт и здесь расставил своих у окон, фиксируют любые изменения рельефа. Лучшие его рисовальщики, кото-рых выявил загодя, поспешно наносят на карты озера, леса и речушки, над которыми не прошли маршруты багеро-в.

– Жаль, – сказал он с некоторым неудовольствием, – от-сюда не видны границы между королевствами. Думаю, Мон-

тегю мы прошли?

– Не знаю, – ответил я честно. – Даже не представляю, каким увидим Клонзейд.

– А точно туда прем?

– Направление знаю, – ответил я. – Из достоверных источников.

Он кивнул с самым невозмутимым видом, наверняка даже знает, от какой из фрейлин я успел почерпнуть достоверные, на то он и начальник общей разведки, как внешней, так и внутренней.

Альбрехт поинтересовался подчеркнуто бесстрастно:

– Каких-то разделяющих примет нет? Саму империю узнаете?

– Только стольный град, – ответил я с высокомерием правителя мира. – Как-то изволил взглянуть из окон императорского дворца Скагеррака Сорок Восьмого... Не впечатлило. Так себе. Но весьма. Хотя и не зело. А так вообще-то как бы, однако не так уж. А могло бы.

Альбрехт покрутил головой: когда же я успел, недостойно императора самому шпионить, зато Норберт кивнул с самым довольным видом.

– Все равно, – произнес он суховато, – нужно все быстро. В первые же часы. Сэр Ричард...

– Да знаю, – сказал я с досадой. – Главное, маги. Верховные!.. Думаю, если бы схватиться с ними всерьез, мы бы выиграли. Но после нашей неизбежной победы что делать на

огромном континенте, где настанет неслыханная по масштабам разруха? И где не меньше двух третей населения вымрет в первые же месяцы?

Они переглянулись, Норберт спросил скупно:

– С чего вдруг?

Альбрехт сказал рассудительным голосом:

– Думаю, в Клонзейде народ не работает, дорогой друг, как и в Жемчужной империи Германа. Почти не работает. Даже крестьяне. А если ни засух, ни наводнений, ни даже саранчи?.. Великие Маги позаботились. Правда, сам не очень-то в такое верю, но если наш мудрый вождь, что ведет нас от победы к победе, а потом вообще непонятно куда...

– Я тоже в доброту магов не верю, – вставил застенчиво Палант. – Маги – зло, правда?

Альбрехт уточнил:

– Полагаю, маги так делают не по доброте, а по какому-то хитрому расчету. Но насчет всеобщей разрухи не верю. Всегда найдутся сильные, что сами будут собирать урожай, молоть и печь хлеб...

– А придут жадные и голодные соседи, – ответил я, – хлеб отберут, хозяина убьют, а жену изнасилуют и тоже убьют... Потом будут драться с такими же бандами.

Альбрехт посмотрел исподлобья:

– Сэр Ричард... Часто гадаю, из какого ада вынырнули, если и такое знакомо? А ведь знакомо, по лицу вижу... Значит, магов убивать нельзя?

– Нельзя, – отрезал я так твердо, что только он и ощутил в моем голосе «пока нельзя», – без магов здесь рухнет все!.. Но все-таки нужно, иначе как разбудить застывший мир?

– Может, – сказал Палант нерешительно, – пусть спит? Счастливый сон...

Я вздохнул:

– Господь рассердится. А вдруг пошлет ледниковый период? Или тряхнет кометой континенты? Какие маги справятся с ядерной зимой лет на сто?..

Он спросил наивно:

– А вы, сэр Ричард?

Я заворчал, усматривая насмешку, но увидел устремленные на меня с великой надеждой чистые глаза с пламенной верой в мои возможности, поперхнулся, а моя шкура съежилась, как шагреневая.

– В общем, – выдавил я, – и в Клонзейде сцепите зубы и действуйте прямо и честно в духе демократии без всякого милосердия и гуманизма. О гуманизме вспомним, когда от врага останутся... клочки по закоулочкам. Для музеев и бросания знамен к подножию.

– Значит... магов под нож?

– Да, – ответил я, – но гуманно.

Внизу слишком плотные поля облаков, Маркус по моей команде снизился, иллюминаторы сразу начало заволакивать белым. Воины в испуге отпрыгивают, крестятся, кто-то шепчет молитвы. Все понимают, прем через облака, а на об-

лаках, как известно, рай и особые кущи для праведников.

Я, как вождь и отец народа, в эти минуты стараюсь выглядеть как никогда невозмутимым и величавым. Огромные красные кресты на моей груди и спине подчеркивают, что я крестоносец, несу Слово Божье, и пусть только кто попробует заткнуть уши, потеряет их вместе с дурной головой.

В белом начали появляться разрывы, и снова разведчики бросались к окнам с листками бумаги в руках, а за их плечами появились головы уstraшенных, но любопытствующих.

– Ничего не упускайте, – велел я. – Если что срочное, я у себя.

Глава 3

Единственный, кто понял и чуть улыбнулся, это Альбрехт. Так хозяин просторного особняка говорит гостям и домочадцам, что он не намерен шлаться по всему зданию, а будет в своем кабинете. А это значит, что я не только освоил Маркус, но и выбрал в нем уже любимое местечко. Ну, пусть не любимое, но хотя бы не самое отвратительное.

Конечно, на самом деле все не так, и с этой Багровой Звездой Зла я все еще на цыпочках, говорю осторожно и с оглядкой. Как можно уничтожить верхний слой земной коры, понял, достаточно повелеть, но еще не понимаю, как наносить точечные удары. Боюсь, такой возможности вообще нет, что резко ослабляет мою мощь.

Придется надуть щеки и делать вид, что у кого танк, у того пистолет точно найдется. Но когда-то наступит страшный момент, когда потребуется именно пистолет.

Извилистый туннель, что с каждым днем все больше превращается в упорядоченный коридор с прямыми стенами и ровным полом, а точнее, в галерею-балкон, с которой уже видно общий зал внизу. Я невольно замедлил шаг, подойдя к пещере, которую я облюбовал под кабинет и вообще под апартаменты.

Маркус продолжает менять этот свой уголок как бы по моему смутному желанию, хотя получается пока что не совсем то, что хочу и представляю.

Сейчас в пещерку ведет дверной проем в виде исполинской замочной скважины, слон с паланкином пройдет. На той стороне этой странно оформленной арки оранжевый пол из крупных плит, а когда я прошел туда и оглянулся, обеспокоенный странным отсветом, с некоторой дрожью увидел зловещую синеву стен этого как бы моего кабинета.

Кроме того, что радостно-оранжевый пол резко дисгармонирует с недобрым цветом стен, все это украшено еще и неким странным орнаментом, похожим на паутину, где запутались какие-то существа словно из фильма о тысяче и одной ночи. Видимо, детские впечатления самые яркие и запоминающиеся, Маркус их уловил и воссоздал такими, какими увидел.

Тяжело и подчеркнуто уверенно ступая, я прошел к сто-

лу, там ничего не меняется, слава богу, а вот плитки пола стали багровыми, какими они, наверное, смотрятся из моего подсознания.

Я рухнул в кресло и, опустив локти на столешницу, стиснул голову ладонями. Похоже, мы допустили огромный промах, вторгшись в более просвещенный век. Как если бы рыцари времен короля Артура вломились в век Возрождения, где мораль, понятно, ниже некуда, зато все остальное, начиная от сельского хозяйства и до науки, уже на три ступеньки выше.

И наша гордыня, что мы выше и лучше, очень быстро развееется.

Со стороны сказочной замочной скважины послышались голоса. Альбрехт, Норберт и Волсингейн вошли по одному, стараясь держаться строго посередине, но все трое выглядят достаточно бледно.

Альбрехт сказал сдавленным голосом:

– Сэр Ричард, вы бы не баловались с этим... ну, изменением в Багровой Звезде. А то чуть заикой не стал!.. А сэра Каспара всего трясет.

Волсингейн возразил с неудовольствием:

– Чего вдруг трясет? Просто чуточку непривычно. А так кабинет как кабинет... ну, если учитывать, что это кабинет сэра Ричарда. Он сам вроде этой Багровой Звезды Зла. Если в профиль. А в анфас так вообще...

Альбрехт подошел, всмотрелся в карту.

– А-а, уже другая карта? И что на ней за точки, как будто мухи испражнялись?

– Сэр Альбрехт, – сказал я с укором, – у вас такая красивая шляпа, а говорите как простой дворянин.

– Портной императора Германа сшил, – сообщил он с удовольствием. – А вы чего с таким почтением? Эти точки...

– Да, они самые, вы угадали.

– Ух как здорово!.. Хорошо быть таким. А что именно я угадал?

Я пояснил с удовольствием:

– Башни Великих Магов. Ни одна не скрылась!.. Ну, как рассчитываю.

– Ого! – воскликнул он с изумлением. – Многовато, хотя как-то слишком неравномерно.

– Богатство, – сообщил я мудро, – в мире распределено не совсем справедливо с точки зрения бедных людей и христианских рыцарей. Эти Башни только в богатых королевствах.

– А вон в тех просторах, где ни одной?

– Там беднота, – ответил я. – Или на все королевства Магов не хватило. Умных вообще-то на свете мало.

Альбрехт все еще с сомнением всматривался в карту.

– Как сумели нанести все Башни Магов, а очертания королевств нет? Даже города не обозначены?

– Да так, – пояснил я. – Очень исполнительные, знаете ли, работники. Я велел нанести на карту все башни, вот их и нанесли. Зато быстро.

Он зябко повел плечами:

– Боюсь и представить, что у вас за работники. Я думал, мы их всех в аду перебили.

– Герцог, – сказал я с укором. – Я с исчадиями ада не общаюсь, хоть и политик! Нет особой надобности, знаете ли... Хотя, конечно, кое-какие концы оставил. Глупо было бы все обрубить, не так ли?.. А пока надо справляться своими скромными ресурсами. Или чужими, не важно. Но делать так, чтобы не портить репутацию. У нас, правителей, должны быть тайные службы!

Он кивком головы указал на беседующего тихонько с Волсингейном Норберта:

– А он?

– Он явная служба, – пояснил я. – Честная и открытая!.. Хотя, конечно, не без отдела по секретным операциям.

Он ехидно улыбнулся:

– А совместные операции двух служб не планируете?

Сэр Норберт вздрогнул и посмотрел на него строго, а я сказал поспешно:

– У любого правителя должно быть не меньше двух тайных служб, чтобы перепроверять информацию, а то такого надоносите, что всех вас перевешать надобно было еще при рождении!

Норберт перевел дыхание и уже с обычным непроницаемым видом провел твердым, как панцирь жука-оленья, ногтем по карте.

– Вот тут одиночные башни, – произнес он ровно, – а здесь целый кластер... Но, насколько могу предположить, туда тянется горный хребет, а городов там нет.

– Служенье магии не терпит суеты, – авторитетно объяснил я. – Зато прекрасные мишени! Если и промахнемся малость на милую-другую, все равно никого лишнего не прищем.

Альбрехт ответил хладнокровно:

– В Клонзейде все лишние! Потому и оставлены на погибель. Как и везде. Так что жгите, сэр Ричард!

– Да это я так, – сказал я, – отрывка гуманизма. Нам всем зачем-то нужно оправдание. Как думаете, зачем?

Норберт промолчал, вопрос риторический, зато Альбрехт объяснил с удовольствием:

– Все мы лицемеры, начиная с сэра Ричарда, который подает нам пример высокой культуры и гуманизма. Убиваем с радостью, но вслух выражаем сожаление. Даже искреннее! Это и называется цивилизованностью. У сэра Ричарда это особенно хорошо получается. На то он и вождь, все умеет и всем может прикинуться. Даже предательская мужская слеза наворачивается в нужное время и в нужных размерах!

Я буркнул:

– Сэр Альбрехт...

– Сэр Ричард, – возразил он, – не мешайте мне хвалить вас перед соратниками. Мы все люди простые и честные, а вы демонстрируете все богатство человеческих возможностей!

Потому вы и вождь, что умеете больше.

Я сказал недовольно:

– Это у вас вон слеза наворачивается. Только непонятно из-за чего, а когда непонятно, то подозрительно. Я император, так что полон подозрения уже по статусу!

– Точно, – подтвердил он, – знаем, как голос у вас умело дрожит, и такой надрыв и скорбь о Родине слышится... Если с построением всеобщего царства справедливости не получится, можете набирать команду актеров.

Норберт, не обращая внимания на его болтовню, цель которой снизить напряжение и страх полета в чужом корабле филигонов, ткнул пальцем в широкое размытое пятно.

– Здесь самый дальний багер Германа разворачивается и прет обратно. А дальше, куда он не пошел, может быть все что угодно?..

– Клонзейд, – напомнил я, – империя, что борется с Жемчужной за первенство. Левее Астаргельд, тоже империя, странная и непонятная, а правее океан.

– Но наша цель, – сказал он сухо, – Клонзейд. И понятно почему.

– Верно мыслите, – ответил я. – Хотя империи нужно санировать все, но начнем с самой империстой. Во избежание. Потому отряд под началом Макса высадим в столице, а остальные разбросаем по городам помельче. Хотя все они, признаюсь, для нас пугающе крупные.

Альбрехт сказал задумчиво:

– Мне кажется, нечаянно или намеренно, но сэр Ричард для этого самого начала выбрал как раз самую легкую цель...

– Самую легкую? – переспросил я. – Это самая легкая?

Он кивнул.

– В Клонзейде слишком полагаются на Конклав Четырех Верховных Магов. Поправьте, если я не так понял. Но разве не их намерены сокрушить в первую очередь? Как ни странно, но труднее всего придется в королевствах, где Великих Магов нет вообще.

Все помолчали, обдумывая, а я, демонстрируя скорость мышления, сказал отечески:

– Спасибо, герцог!.. Вы по-прежнему демонстрируете!.. И доказываете!.. Это весьма!.. Потому вполне, что естественно. Иначе как бы не совсем, а так достаточно точно и в духе вашего мышлизма. Трезвый ум все-таки лучше, чем пьяный. Хотя, конечно, если пьяный довольный и счастливый...

Альбрехт, не дослушав, – у нас среди избранных полная воинская демократия, – кивнул Норберту.

– Герцог?

Тот взглянул с недоверием:

– Что, уже герцог?

Альбрехт сказал с тоской:

– А то вы не знали! Мне кажется, мы здесь уже все герцоги.

Норберт вздохнул:

– Так и королями скоро окажемся, тьфу-тьфу, не к но-

чи будь помянуто. Я понял, дорогой герцог! Лично проведу предварительный захват столицы, затем передам Максу и сосредоточусь на проблеме дорог и крепостей... Ваше императорское величество, что так странно смотрите?

– Поражаюсь вашей мудрости, ваша светлость, – ответил я степенно, – вы хорошо сказали насчет королей. В империи Германа восемнадцать королевств, но империя Клонзейд, по слухам, втрое больше. Не знаю только, по размерам или численности населения, но все равно внушает. Вы меня поняли, как зачем-то надеюсь.

Он отшатнулся:

– Сэр Ричард! Идите в жопу с такими шуточками!... Меня уже трясет от ушей до пят.

Я сказал скорбно:

– А как же долг?.. Ответственность?.. Интересы нашего северного континента?.. Кто, как не мы?.. С любых высот в любое место? Я не имею в виду жопу, о которой вы с такой экспрессией.

Волсингейн вернулся к замочнокважинному входу, оттуда понаблюдал за так называемым общим залом внизу, куда все больше стягиваются наши десантники, там иллюминаторы не такие страшные, скорее мелкие и мутноватые.

– Проходим над Башней Великого Мага, – сказал он. – А если это не башня, то я не Каспар Волсингейн.

В зале уже не только разведчики бросились к окнам, я тоже подошел к окну и сам ощутил мурашки по коже. Осталь-

ных, понятно, тряхнет еще сильнее. Башня называется башней по привычке, когда-то в самом деле была ею, но добытые камни, что усиливают мощь мага, укладывались сперва у основания, затем выше и выше, теперь это уже не башня, а воздетое ввысь здание, высотой выше всякой виденной на Севере башни.

Норберт посмотрел на меня пытливо, я постарался сделать вид, что и не такое видывал, хотя, конечно, мурашки стали еще крупнее.

– Сэр Ричард... сейчас там точно пусто?

– Не опасна, – подтвердил я, – маги в подземельях.

– А сами башни?.. Они могут защищаться?

– Думаю, – парировал я, – могли всегда защищаться. Но от Маркуса их не спасало.

Он кивнул, удовлетворенный:

– Ими... позже?

– Города важнее, – ответил я. – В ожидании конца света народ может пойти вразнос. Все, что нас держит в рамках, рухнуло.

Он хмыкнул, в империи Германа Третьего городская стража старается резко пресекать участвовавшие бесчинства, наши отряды с удовольствием помогают рубить и вешать, и здесь вряд ли пошло иначе.

Башня быстро уплыла из поля зрения. Я взглянул вверх, облаков здесь нет, сосредоточился, Маркус по моей молчаливой команде поднялся выше и ускорил ход, это научился

понимать легко, мысль все-таки простая и ясная.

Разведчики еще быстрее принялись заносить на карты как изгибы рельефа, так и населенные пункты, но больше начали обращать внимание, как и велел Норберт, насколько удобно вести войска, но это вряд ли, как я давно понял.

Увы, еще не осознали, что здесь все передвигаются только на багерах. Даже там, где легко проложить дороги, их все равно нет.

– Башни потом, – повторил я. – Сперва наклоним империю Клонзейд, так называемую империю Извечного Света. Потому что мы, антагонисты, позиционируемся как бы империей Тьмы.

Волсингейн спросил обидчиво:

– Почему это Тьмы?

– Мы с Севера, – пояснил я, – у нас ночи длиннее. И вообще Тьмой быть интереснее. Больше позволено, разве не понятно?

Он переспросил:

– В смысле... в том смысле?

– И в том, – заверил я, – и в том, что сбоку. Тьме можно все!.. Тьма демократична!.. Все мечтают служить Тьме, но вынужденно служат Свету, потому что так надо. Человек делает то, что надо, а скот то, что хочется. Клонзейд просто принудим к миру и счастью. Не говорить же о каком-то военном столкновении, когда император и все короли в глубоких пещерах, а их дворцы и крепости берем голыми руками?

– Будет нетрудно, – ответил он, но в голосе прозвучало сомнение. – Подумаешь, империя... В четыре раза больше Жемчужной? А Жемчужная в сто раз больше вашей на Севере?... Легко!

– Ну вот, – сказал я с горьким оптимизмом, – привыкаете к масштабам. А я еще не сказал, что земля круглая, а Луна от нас даже дальше, чем Армландия.

Он пробормотал:

– Уже голова кругом, и облегчение такое в мыслях, что даже и не знаю... Башни Магов потом, говорите?... И тоже как бы легко?

– Там просто кучи камней, – напомнил я. – Хоть и пропитанных магией так, что просто течет, как из свежего творога. Правда, это видят только маги. А они сами сейчас в пещерах каменных, где не счесть алмазов... Вылезут, а тут ку-ку, нет домиков, мыши съели.

Он сказал с суровым вздохом:

– Маги... Магья мелочь гибнет, но Великие уцелевают. Они и пещеры готовят заранее, и запасы, а оттуда сами пробивают наверх прямые дороги, а не ищут трещины и разломы.

Норберт заметил коротко:

– Это серьезные противники. Несмотря на бравату нашей Багровой Звездности.

Альбрехт повел в мою сторону очень серьезными глазами.

– Пойдемте, – сказал он, – дадим лорду помыслить. Что-

то хмур, не к добру.

Каспар сказал поспешно:

– Да-да, пока не убагровозвездил.

Глава 4

Я выждал, когда утопают, гремя металлом доспехов и оружием, сказал тихонько:

– Маркус... ты уже запомнил, что Маркус – это ты?... Пора нам с тобой научиться делать двери. Это так просто. Да и сквозняков не будет, тебе же лучше... Интеллигенты простуживаются чаще, а мы с тобой они самые, тонкие и ранимые. Я даже стихи пробовал писать. Давно, правда.

Пока я усиленно представлял, что такое двери и зачем они вообще, за спиной неприятно хлопнуло. Я в испуге обернулся: стены выгнулись, двинулись навстречу одна другой. Арочный вход в виде огромной замочной скважины сузился, превратился в щель, а потом и вовсе исчез.

Я подошел ближе, с сильно бьющимся сердцем потрогал стену, все еще холодная, но уже не так уж, сказал как можно более ласково:

– Хорошо, хорошо... хорошая собачка!.. А теперь раздвинь, как было.

С минуту ничего не происходило, внутри похолодело, это же заперт в чреве этого чудища, однако щель все же появилась, возник даже проход, только намного меньше, уже не до

исчезающего в темноте свода, да и вширь для двоих плечом к плечу, а слон с паланкином уже не пройдет.

– Великолепно, – сказал я, сам ощутил, как из меня хлынула горячая волна благодарности и удовольствия, на что больше всего реагирует Маркус. – Очень хорошо!..

Ответа не получил, только нечто неуволимо легкое коснулось, словно колебание теплого воздуха, это Маркус так реагирует, когда понимает своего симбионта.

Выждав некоторое время, велел сделать проем и оставить в таком виде, сам осторожно выбрался в большой зал.

Массивная гора Багровой Звезды скользит над планетой, как по изумительно ровному и незримому льду. Во всех залах, которые по моему повелению оснащены иллюминаторами, толпится народ, самые эмоциональные орут, спорят, тыкают в проплывающие земли пальцами, стараясь угадать, что там чудится, а что на самом деле.

Как я понимаю, земли Клонзейда, именуемые империей Извечного Света, пошли сразу за высоким и протяженным горным хребтом. Горы, широкие реки, моря и даже топкие болота всегда служили естественными границами. В их пределах сперва шло заселение, образовывались племена и народы, а затем появлялось понятие наших земель и не наших.

Правда, хотя граница как бы по вершинам гор, но кому нужны эти горы, потому первые селения мы увидели в сотне миль по ту сторону горной цепи уже на зеленых и ровных как столешница долинах.

Деревушки ухоженные, как и поля, скот не видно с такой высоты, хотя вон те белые точки на склонах холмов явно крупные стада овец. Проплывают внизу и города, много мелких, большие очень редко, что и характерно для таких времен.

Альбрехт указал на скользящую далеко внизу чудовищно массивную башню.

– Тоже Верховный Маг?

– Не отвлекайтесь, ваша светлость, – заметил я, – сперва десантируемся в столице. С любых высот в любое, как говорится. Башни Магов пока что без хозяев, с ними, как уже изволил сообщить, разберемся чуть позже.

– Установим там стражу?

Я покачал головой:

– Разве мы не воины Церкви?

– Да, – подтвердил он с готовностью. – А еще мы кто?.. А то я уже и запутался. Мы то воины Церкви, то носители Добра, то какого-то прогресса и сельского хозяйства.

– В данном случае, – сказал я твердо и возвышенно, – мы воины Церкви!.. Магия – это дикость мира, а мы несем свет и просвещение. Церковь пока что свет, потому строим церкви на месте темных языческих храмов.

– Что, правда?

Я уточнил с достоинством:

– Не прямо вот щас, а в принципе. И не мы, конечно. Мы руководители, даже пальцеуказыватели.

Он посмотрел с вопросом в очень серьезных глазах:

– А как же Карл-Антон и его... помощники?

– У всякого правила есть исключения, – ответил я сварливо. – К тому же Карл-Антон уже алхимик, а это хоть и маг, но уже как бы научный сотрудник на пути к прогрессу... Маркус, давай чуть быстрее!

Его самый преданный вассал, Бриан Волсингейн, как и остальные военачальники, поглядывает вниз с беспокойством. И не только потому, что непривычно двигаться на такой высоте, куда и птицы не залетают, но потрясенные масштабами территорий, которые, как все понимают, надо будет держать под контролем, иначе здешние народы, которых тут как песка в море, просто проглотят нас, даже костей не выплюнут.

– Вон столица! – вскрикивал он время от времени. – Ого, какая!..

Альбрехт все еще схватывает ситуацию быстрее других, всякий раз отвечал с холодной невозмутимостью:

– Да успокойся ты... Здесь народу больше, вот и города крупнее.

– И самих городов больше, – договорил в сторонке сэр Горналь. – Голова кругом идет. Как столица называется?

– На месте узнаем, – ответил я.

– Ого!

– Мы такие, – подтвердил я с некоторым стыдом, который постарался подать как мужскую гордость. – Что нам такие

мелочи?.. Подумаешь, столица.

– Столица не королевства, – напомнил Альбрехт со значением, – а империи!.. Ваша Звездность, а вас не впечатляет?

– Уже нет, – ответил я. – Впечатлялка истощилась, если честно. Я же натура тонкая, впечатлительная, артистичная, как Нерон какой, но сейчас будто корова перед геральдической росписью на гербе королевских врат. Смотрю и хоть вижу, но ничего не зрю. Так, фигня какая-то, ни сена, ни клевера.

Он покачал головой, но промолчал, то ли не соглашаясь, то ли сам еще не определился, как реагировать на рухнувшую с грохотом лавину впечатлений.

– Соберите цвет десанта, – велел я, – в большом зале. Который теперь большой?

Он сказал зябким голосом:

– Надо посмотреть. А то они все как-то меняются. То один больше, то другой. А третий так и вовсе...

– Что?

– То он есть, – ответил он тихо, – то нет. А то не зал, а какое-то болото из кипящей крови.

– Как вся наша жизнь, – согласился я. – То есть то нет, то больше, то меньше, а то и вовсе.

– Обратитесь с речью?

– Это я люблю, – согласился я. – Говорить – не работать. Но язык дан человеку для того, чтобы руководить, не так ли?.. А так как у меня не только руки длинные, но и язык,

то и руководю весьма как бы успешно. А напутствие необходимо, ибо!

Он козырнул и удалился странно бесшумно, хотя пол сейчас из самого прочного камня, а совсем недавно был обратительным киселем. Все-таки Маркус приспособливается под нужды своего более развитого симбионта, справедливо понимая или просто чувствуя, что управлять должен тот, чья организация выше.

Но это в нем я защищен, а на землегодились бы талисманы, которые уничтожил Террос, Темный Бог, когда едва-едва не сжег с ними и меня.

А сейчас в моем распоряжении есть только самый крохотный на свете и самый беспомощный крошка-демон с длинным произносимым именем, которое я заменил на простое «Серфик»...

Я осторожно потер колечко на пальце.

– Сефрик!.. Серфик, явись к повелителю!

Ничего не случилось, я выждал чуть и потер кольцо уже сильнее.

– Серфик... иди сюда, малявка!

Ничего не произошло, я потер еще несколько раз, всякий раз повторяя призыв, но свечи горят ровно, ни в одном огоньке не кувыркается крохотный красный демон с вытаращенными, как у лемура, глазенками и размером с божью коровку.

– Ничего себе, – пробормотал я, – ну, Маркус, ты даешь...

Похоже, стены экранируют попытки связаться с демонами. А это значит, и демоны по своей или чужой воле проникнуть не могут, что огорчительно, я бы их использовал для дальнейшей очистки Маркуса от разных опасных непоняток.

С другой стороны, Маркус, выходит, абсолютно защищенная цитадель, что еще лучше и важнее.

Я сидел, погруженный в размышления, когда в мой как бы кабинет заглянул Умальд, поинтересовался с сочувствием:

– Сэр Ричард, все в порядке?..

– Да, – ответил я. – Как там?

– Народ собирается, – доложил он, – как вы и велели.

Я со вздохом поднялся.

– Народ ждать не должен. У нас народ особый.

Народ, в данном случае военачальники, от крупных до мелких, а также младшие командиры, собрался в большом зале, который то ли самый большой, то ли уже не самый, но все равно громадный.

Осталось немного места и для рядовых воинов, хотя у меня уже нет рядовых, всех возвел в рыцарство, но, конечно, это пока простые рыцари, безбаннерные, но все счастливо и с надеждами понимают: в таком беспримерном походе могут обрести как баннеры, так и нечто позначительнее.

Я красиво вошел в зал, под ногами что-то дернулось, я со страхом ощутил, как меня слегка приподняло и тут же под подошвами затихло.

— Друзья! — воскликнул я не своим голосом. — Соратники!.. Честно говоря, я сам не думал, что свершим эпохальное. В схватке с филигонами намеревались красиво погибнуть... и почти погибли, но Господь помог своим верным рыцарям, ибо! Да, верит в нас и кладет на нас и наши плечи большой такой долг. Да, могли бы жить-поживать и почиывать на лаврах, но мы, воспламененные великой целью спасти и осчастливить мир, хочет он того или не хочет, пламенно и самоотверженно явились сюда нести добро и справедливость!.. Это наш долг. Мы установим добро и мир, даже если после нас камня на камне!.. Ибо правда выше всего и даже выше самой правды!..

Альбрехт покачал головой, в глазах укор и напоминание, что я совсем не Цицерон.

Я перевел дыхание и продолжил несколько более деловым голосом:

— Вы уже увидели, что за народ в империи Германа!.. В империи Скагеррака, куда прем в аллюре сто крестов, ожидается примерно нечто такое, хоть и другое, но похожее, пусть и непривычное, если смотреть сбоку. То есть совершенно другой народ! Особенно если сравнивать с нами, самыми лучшими и самыми правильными. Здесь все с другими взглядами, нравами и привычками. Живут намного богаче нас, но это не делает их лучше, запомните!.. На самом деле лучше мы. И не потому, что победили филигонов, а что у нас есть вера, честь, достоинство и доблесть... всего этого жите-

ли империи лишены!

Альбрехт кивнул, одобряет, видите ли, своего лорда, Норберт смотрит спокойно и бесстрастно, дело свое знает, а на лозунги и призывы давно не обращает внимания.

Зато Палант, Кенговейн и самые молодые командиры смотрят с великим восторгом, хотя вряд ли понимают, что несут, для них важнее уверенный голос, напор и властные жесты.

– Здесь города крупнее и богаче, – продолжал я жарко, – все богаче! Вы видели в империи Германа, там люди одеты так, что в глазах рябит от блесков и всяких золотых штучек. Даже стыдно смотреть, как одеваются мужчины!..

Из заднего ряда прогремел мощный голос сэра Растера:

– У нас только женщины разве что, да и то шлюхи...

– Вот-вот, – сказал я. – Однако вы должны и обязаны держаться, как люди более высокой культуры! Вам насрать на эти цветные тряпки и золотые кольца с бриллиантами!.. У нас Господь, у них его нет, и этим мы неизмеримо богаче их... Сэр Растер, вижу, как потираете руки, но должен напомнить, мы не завоеватели, а освободители.

Растер в горестном недоумении прогудел мощным голосом, от которого зарезонировали стены:

– А как же наше исконное право...

– Спасенных не насилуют, – пояснил я терпеливо.

– А... как тогда...

– Однако, – пояснил я, – знатные дамы будут сами на вас

вешаться. Этих насилуйте, будут только рады. Обожают экзотику и грубое обращение настоящих мужчин, что остались разве что на Севере.

Митчелл, что редко далеко уходит от сэра Растера, сказал с сожалением:

– Жаль, грабить нельзя.

– Грабеж, – сказал я наставительно, – это признание, что мы беднее. На самом деле, повторяю для тугослышащих или плохо понимающих, мы неизмеримо богаче!.. С нами Бог, у нас вера и честь, чего нет у них. Потому никто не должен показывать, что завидует их брэнному богатству.

– Богатство, – согласился с достоинством сэр Растер, – отнять легко, это нашу честь никто не отнимет!

Альбрехт уточнил:

– Ваш лорд рекомендует держаться так, чтобы никто не заподозрил, что завидуете. А завидовать будете. Это вы хотели сказать, сэр Ричард?

– Да, – подтвердил я с неудовольствием. – Не дайте им возможности хихикать за вашими спинами!

Глава 5

Судя по их лицам, это подействовало лучше, кто из мужчин позволит насмешки над собой, тем более чтобы хихикали побежденные? Ну пусть не побежденные, а спасенные, это без шуток, однако спасенным быть тоже как-то не совсем.

Пусть не так унизительно, но сразу понятно, кто круче, а что для мужчины важнее?

Кенговейн проговорил с чувством:

– Они тоже понимают, что остались жить только по нашей милости.

Он с вопросом в глазах взглянул на своего сеньора, Альбрехт кивнул и сказал достаточно громко:

– Вообще-то что нам их серьги и кольца? Мы взяли всю империю Германа с ее золотыми рудниками, пещерами сокровищ, гротами с драгоценными камнями...

– И вообще все наше, – торопливо вставил Кенговейн.

– Все, – подтвердил Альбрехт. – А что остается им, то это по нашей милости. Если возжелаем, всех и здесь без штанов оставим... Сэр Ричард?

– Герцог прав, – сказал я громко и с надлежащим накалом, – действуйте безжалостно. Сейчас многие местные ударились в мародерство, грабежи, разбои, насилие, что и понятно, мы бы сами... гм... Таких рубить на месте! Никакой жалости, никакого снисхождения. Нельзя упускать удобный случай почистить генофонд. Человечеству нужны особи с устойчивой психикой, нам еще такое предстоит!

Альбрехт произнес с заметным неудовольствием:

– Сэр Ричард, страшно и подумать, что вы там видите.

– Прекрасный мир! – воскликнул я с чувством. – Но идти к нему по колено в крови. А часто и по пояс.

– Но мир, – спросил он громко, больше для слушающих,

чем для себя, – прекрасный?

– Дивно прекрасный, – заверил я. – Потому спать придется с мечом в руке. За прекрасный мир дерутся чаще и злее... Все поняли?

Военачальники ответили нестройным ревом, что да, щадить не будут, да и чего щадить, не наше.

– Сперва захватываем столицу, – сказал я. – Дело привычное, верно?.. Особенно здесь, на Юге. Только в императорский дворец не входить. Никому.

Альбрехт насторожился, спросил за всех:

– Ваше величество?

Я пояснил:

– Император где-то держит заложников. Знатных людей из своих королевств и даже соседних империй.

Он охнул:

– Вот сволочь!

– Именно, – согласился я. – Потому не хочу, чтобы их понасиловали заодно с местными. Мы выступим как бы освободителями!..

Он спросил с сарказмом:

– Правда? А может, лучше оставить заложниками, только уже своими?..

– Мелко, – сказал я свысока. – Предпочитаю взять в заложники всю планету.

– Ваше Величество?

– Хотя бы империю, – пояснил я, – целиком. А спасенные

пусть поют мне хвалу.

– Закупить для них арфы?

– Они-то петь будут, – согласился я, – но будем ли слушать?.. Чекард! Что там увидели?

Чекард, один из лучших командиров Норберта, прокричал от окна с энтузиазмом:

– Город!.. Просто огромный!.. Точно столица!

– Не спешите, – предостерег я. – Империи не бывают такими крохотными. Мы только-только вдвинулись в ее пределы.

– Что, – спросил он с недоверием, – и уже такие города?

– Смотри, – сказал я и кивнул в сторону иллюминатора, – таких будет еще много.

Он с потрясенным видом повернулся в ту сторону, а я сосредоточился и велел Багровой Звезде Зла, или Багровой Звезде Смерти, кому как больше нравится, двигаться еще быстрее.

Города замелькали так часто, что не только Чекард перестал указывать на каждый крупный город и уверять, что это и есть столица, но и другие притихли, умолкли.

Я украдкой поглядывал на их лица. Все малость приотшлели и придавлены, причем малость совсем не малость. На Севере даже столицы в сравнении с этими городами чуть ли не деревни, потому нужно почаще напоминать нашим, что зато сильнее мы, а это главное всего на свете.

Историю пишут и задают правила победители.

Даже на такой скорости пришлось затратить полдня, чтобы успевать замечать горы, реки и крупные города. Но ближе к вечеру и меня тряхнуло, когда внизу начал вырастать исполинский город.

Маркус по моей команде резко снизился, стала видна ограда из трех расширяющихся рядов белого камня в основании, а выше густой лес из металлических копий со сверкающими на солнце наконечниками.

Я инстинктивно ждал, что вес уйдет из-под ног, но ничего не случилось, только город снизу стал еще ближе. Дома почти все в три-четыре этажа, и только в центре гордо высится прекрасный комплекс высоких зданий, с виду этажей в каждом не меньше десятка. У меня сразу пошло разрастаться тревожное недоумение: как поднимают воду на самый верх?

Макс появился как нельзя вовремя, я увидел его в окружении младших командиров, когда указывал в окно на городские ворота с разных сторон города и четко распоряжался, кому откуда врываться в стольный град.

Альбрехт сказал с мрачным торжеством:

– Сейчас там снизу видят Багровую Звезду над их городом! Представляете?

Растер сказал с надеждой:

– Обязательно отыщутся герои, что ринутся в бой с опущенными забралами и нацеленными в нас копьями!

– Даже остатки разбегутся! – предположил Волсингейн.

Норберт произнес бесстрастно:

– Все может быть. Уверен, найдутся и отважные, что бросятся в атаку. Хотя бы с дюжину человек...

– На всю империю? – уточнил Митчелл. – Да, отважный здесь народ. Ваше величество?

Я повел рукой властно и величественно, раз уж я величество.

– Садимся близь городских врат. Никто не забыл, кому что делать?.. Тогда с Богом! Маркус – это орудие его гнева и нетерпения. А значит, Господь с нами!

Все, судя по их лицам, ощутили некую легкость в телах и мыслях, это Маркус снова стремительно ринулся вниз, с той скоростью, с которой не сравняется никакой скоростной лифт или даже падающий камень.

За окнами синева сменилась зеленой, вдали мелькнули зеленые рощи, зато с правой стороны угрожающе близко появилась высокая ограда города, какие видел только во дворцах, а здесь такой огражден целый город, несерьезно как-то.

Основание из белого камня, а дальше ажурная, но явно прочная решетка из кованого металла, на вершинах устремленные в небо острые и длинные наконечники копий, как я и увидел с высоты, в самом деле покрытые золотом.

Вокруг меня собрался весь цвет моего командования, начиная с Альбрехта и Норберта, на которых лежит половина всей ответственности. Лица у всех суровые и решительные, как у людей, недавно победивших филигонов.

Я вздохнул, некоторые вещи говорить неприятно, но если надо, то надо, на меня смотрят в ожидании напутствия, я сказал громко:

– Я против культа личности, если это не мой культ... Улыбаетесь, но все очень серьезно. Думаете, чего я именно вас всех погрузил в Маркус и перебросил через океан? Герцог Гуммельсберг?

Альбрехт покачал головой:

– Я тоже думал над этой вашей странностью. Благоразумнее было бы дожидаться армий, что спешно шли нам на помощь из всех королевств. Так что случилось?

– Я знал, – ответил я значительно, – что нас ждет на Юге. Те, кто вопреки всему победил филигонов, верят мне!.. Верят больше, уж простите за богохульство, чем верят Церкви... А те, кто не участвовал в страшной битве с филигонами, забыв о более важных делах, сразу согнали бы народ и заставили строить церкви, ибо как без церквей жить?

В помещении наступила мертвая тишина. Я ощутил на себе строгие взгляды, наконец Альбрехт вежливо кашлянул и сказал четким голосом:

– Сэр Ричард, объяснитесь. Мы тоже считаем, что без церкви жить нельзя.

Я сказал с жаром:

– Это без Бога жить нельзя, а без церкви какое-то время жить можно!.. Но Бог всегда с нами, мы чувствуем его помощь, его заботу, его поддержку. Построим и церкви. Потом,

когда установим правильный порядок. Мы уже начали строить дивный новый мир!.. Теперь понятно, почему со мной только вы, лучшие из лучших?

Они переглядывались, я еще видел на многих лицах сомнение, но то один вздыхал с облегчением, то другой, наконец Альбрехт, выражая общую волю, проговорил так же веско:

— Ваше величество, вы правы. В нашей армии, уничтожившей филигонов, ваше слово — закон. Вы сказали не насаждать веру Христа... некоторое время, мы не будем ее насаждать. До вашего распоряжения, что, я уверен, не заставит себя ждать долго. А тогда можно будет и остальные армии перевезти, среди которых ваш авторитет не настолько непоколебим.

Я вздохнул, поправил перевязь с мечом.

— Выходим. Выходим все!

Норберт ответил с неудовольствием:

— Никто не спрячется. Мои проследят.

Арбогастр подставил бок с болтающимся стремяном, тоже спешит выйти из этой летающей странности. Я поднялся в седло, но Бобик выскочил даже не в распахивающиеся ворота, а в узкую щель, стремительно метнулся к воротам, а там резко сел, рассматривая побледневших стражников.

Со мной бок о бок двинулись Альбрехт и Норберт, но глава разведки тут же ушел в сторону к своим разведчикам, а мы втроем первыми приблизились к городским воротам.

С этой стороны перед воротами с полсотни трупов, кровью залиты камни, красные струйки все еще сбегают в дренажную канаву слева от дороги.

Мы с Альбрехтом подъехали ближе, телохранителям я жестом велел держаться позади. С той стороны в нашу сторону развернулись полдюжины ярко и крикливо одетых стражников в металлических шлемах облегченной конструкции и в легких кирасах, едва прикрывающих спину и грудь.

То, что воины, можно узнать только по алебардам в руках, но мои герои даже на алебарды смотрят с сомнением, такого еще не видели, а пышные рукава оранжевого цвета и зеленые штаны до колен вызвали презрительные усмешки.

Даже вместо грубых мужских сапог нелепые женские туфли с блестящими золотом пряжками! Ноги, стыд какой, ноги до колен в белых чулках...

Однако почти на всех пышная одежда порвана, у троих вместо шлемов толстые повязки на головах, пятна крови свежие, еще у одного кроме головы перевязаны и обе руки, но алебарду держит крепко, а в нашу сторону смотрит зло и с вызовом.

– Благодарю за службу! – провозгласил я. – Вижу, удержали разбушевавшуюся чернь... Но почему вас так мало?

Один из воинов, немолодой ветеран с суровым лицом, ответил хриплым голосом:

– Было больше.

– Понятно, – ответил я. – Открывайте ворота. Мы свои.

Он смотрел с подозрением, как и остальные, наконец проговорил устало:

– Вы нездешний.

– И даже не гость императора, – сказал второй воин.

Я ответил отечески:

– Здешний я, здешний! С этой планеты и даже с этого континента, хоть и с другого. Ребята, город уже в наших загребуших. Если не откроете ворота таким нарядным, следом придет армия. Уже нездешняя. И тогда все в городе будут убиты, изнасилованы и ограблены, а потом изнасилованы еще раз, уже так, для смеха. Это же смешно, правда? Вы же знаете, как это делается... Или еще не знаете? Ах да, вы же стража больше для красоты, церемониальная... Ваши семьи тоже здесь?

Они переглянулись, снова посмотрели на мой блестящий стальной с ног до головы отряд. Даже кони у нас в кольчугах, со стальными налобниками, настоящие боевые чудовища, тоже будут насиловать.

Старший сказал хмуро:

– Пропустим. Но вы хоть видели, как с небес сошла Багровая Звезда Смерти? Оглянитесь, да вон же она!

– Эх, – сказал я, – вы так и не увидели, откуда мы?.. А так вообще-то соображаете, молодцы. И не теряете воинской отваги, хотя та Звезда рядом с городом. Весьма похвально.

Ветеран сказал с подозрением:

– А вы откуда?

– Оставайтесь на месте, – повелел я, – местных не впускайте... как и не впускали. За свои семьи не волнуйтесь. Просто грабить... для нас уже слишком мелко.

Глава 6

Прогредел стук копыт, нас со стороны Маркуса догнали Митчелл, Бриан, еще две дюжины отважных рыцарей с опущенными копьями. Ворота перед нами медленно и неохотно распахнулись, весь крупный отряд въехал вслед за нами, хотя, конечно, никто не опередил Бобика.

Двери казармы поблизости распахнуты настежь, но там, похоже, пусто.

Я остановил арбогастра сразу за воротами, кивком подзывал ветерана.

– Сколько человек в отряде?

– Было семьдесят, – ответил он мертвым от усталости голосом, – теперь пятеро.

– Наберите полный состав, – распорядился я величественно. – Вы не оставили свой пост, доказав верность закону и порядку, потому назначаю вас... как вас зовут?

Он ответил все еще с недоверием:

– Титус.

– Теперь сэр Титус, – сказал я. – За стойкость и верность доблестный воин Титус пожалован титулом рыцаря с удвоением жалованья и назначен командующим всей охраной сто-

лицы... Кстати, как ее зовут?

Он вздрогнул, посмотрел на меня дикими глазами.

– Сэр...

– Это же столица? – спросил я. – Или мы промахнулись на пару тысяч миль?

Он побледнел, лицо заострилось, а синими губами едва выговорил:

– Волсингсбор...

– Волсингсбор, – повторил я. – Ничего так название. Миленькое! Продолжайте бдить и нести почетную службу во имя императора и социалистической законности, сэр Титус!

За нами под аркой ворот промчались, опережая нас на пути к зданиям дворца, легкие конники Норберта. Следом начала вливаться закованная в сталь тяжелая рыцарская конница Макса, то бишь Максимилиана фон Брандесгерта, графа Стоунширского, а теперь уже и герцога, самого молодого из моих военачальников.

Альбрехт вздохнул свободнее, даже начал сдержанно посмеиваться: все идет не просто хорошо, а как-то слишком хорошо. Никто не бросился в атаку, как предостерегал Норберт и надеялся сэр Растер, в городе не видно пожаров, хотя вообще-то деревянных домов нет, но даже трупов по обочинам дороги не так уж и много в опустевшем городе.

– Хороший ход, – сказал он одобрительно. – Сразу в рыцари!

– Он заслужил, – ответил я. – А как иначе?.. Верные по-

рядку должны быть вознаграждены и повышены, чтобы и других приучали. Добродетель должна вознаграждаться.

— А вы получаете сторонников, — уточнил он с некоторой ехидцей.

— Это всего лишь укрепление власти, — пояснил я. — Все законно.

— А закон у нас вы, — добавил он совсем невинным голосом.

— Правда здорово? — сказал я бодро.

Дороги вымощены плитами от дома и до дома, город чист, хотя не просто огромен, а исполински огромен. Но странность в том, что вовсе не видно домов простых ремесленников, в то время как в Солнечном городе, столице королевства Монтегю и самой империи Германа Третьего, их почти треть. Правда, трети тоже маловато, на одного вельможу или просто знатного должно приходиться не меньше двух десятков из так называемого обслуживающего персонала, этого и в помине нет в Солнечном городе.

Альбрехт по-прежнему держится справа, это его почетное место, брови уже сдвинуты, на лице легкая тень недоумения, что-то неладное все-таки заметил.

— Здесь либо магов больше, — сказал я, — либо император заставляет их заниматься бытом, а не высокими изысканиями.

— Тоже ухватили? — обронил он легко.

— Вы же заметили, герцог!

Он сказал с полуулыбкой:

– Я человек взрослый, а вы должны больше замечать толщину стен, укреплений, количество вражеской армии... Хотя, конечно, вы все еще нечто непонятное, сэр Ричард. Посмотреть бы, что за старые книги читали.

– Спасибо, – ответил я так же легко. – Мне нравится быть таким задумчивым, таким загадочным... Думаю, простой люд обитает в жилищах, которые нам по простоте душевной и христианскому смирению кажутся домами для благородного сословия. Это, конечно, не делает их счастливее, все познается в сравнении. Думаю, их нынешние благородные на такой же дистанции от простых, как и в империи Германа.

– И дальше, – заметил он трезво, – чем у нас на Севере.

– Да, – согласился я. – У нас все еще милая патриархальщина.

Он вскинул брови.

– Это плохо? У вас это звучит с каким-то оттенком.

– Детство, – сказал я, – всегда милое, но когда-то надо вырастать из коротких штанишек.

Он спросил несколько натянуто:

– Здесь... выросли?

– Увы, – ответил я, – выросли. Правда, это не значит, что выросли в достойных людей. Или недостойных, но нам приемлемых. Но что выросли, это несомненно. И с этим придется считаться.

– Насколько?

– Увидим, – пообещал я с тяжелым сердцем.

Квартал за кварталом остаются за спиной, город местами выглядит как только что оставленный вражеской армией, но в других местах жители явно сумели наладить самооборону, а люди Норберта, ворвавшиеся в город первыми, как-то убедили, что регулярная армия не грабит, жители отныне под защитой, но если на проезжающие отряды кто-то бросит хотя бы камень, тот дом сожгут вместе с людьми.

Альбрехт старается не выказывать настороженности, но ладонь его то и дело проходит над рукоятью меча, а края плаща подвернул, чтобы ничто не помешало выхватить клинок.

Где-то в центре города на храпящем коне навстречу выметнулся один из разведчиков Норберта.

– Сэр Ричард!.. – прокричал он ликуя. – Город в наших руках!.. Уже весь!

Я кивнул, дескать, ух ты, здорово, Альбрехт буркнул тихонько:

– Удивил. Вся империя в наших.

– Не мешайте радоваться, – упрекнул я.

– Это не наша заслуга, – сказал Альбрехт трезво. – Местная армия лишилась командиров, город никто не защищает. Сэр Ричард?

– Что, – спросил я, – вам непонятно? Прем к дворцу императора Скагеррака Сорок Восьмого. Как бы в гости. Но только как бы.

Он сказал со злым подъемом:

– Посмотрим, как живут императоры, посмотрим.

– Вам дворца императора Германа мало?

– Нужно сравнить, – сказал он бодро. – Эх, сэр Ричард...

что за жизнь вы нам всем устроили! Это же сказка, а не жизнь. Правда, страшная, но зато будет что рассказать, когда вернемся. Пусть им тоже кошмары снятся! Мы им та-а-ако-го нарасскажем. С вашей легкой руки мы тоже почти поэты. Особенно сэр Растер.

Я смолчал, а он что-то прочел в моем молчании, повернулся в седле всем корпусом.

– Сэр Ричард?

– Вернемся, вернемся, – заверил я. – Только не так быстро, как вот прямо сейчас кажется.

– Будет война?

– Точно, – сказал я. – Война цивилизаций.

– Серьезная?

– Сшибка и взаимопроникновение, – ответил я загадочно.

Дома красиво разошлись, впереди распахнулась широкая и праздничная площадь. Бобик подобно черному урагану унесся на ту сторону, там за высокой ажурной оградой из кованого металла высятся за цветущими деревьями громады императорского дворца.

Альбрехт приподнялся в стремях и вскрикнул со злым весельем:

– Кажется, мы вовремя!

Высокая ограда облеплена орущим народом, снизу подпи-

рает толпа, самые отважные перебираются через острые наконечники, оставляя клочья одежды, а то и мяса, срываются на ту сторону.

Я с трудом рассмотрел там редющую цепь дворцовой стражи. Одни тычут остриями алебард между прутьями решетки, другие всаживают клинки в тех, кто ухитрился перебраться через ограду на территорию дворцового сада.

Слева с пиками в руках налетела конница Чекарда, Альбрехт повернулся ко мне:

– А мы?

– Нужно показать, – ответил я, – что мы на стороне законности. Императоры всех стран, объединяйтесь!

Он моментально выхватил меч и аристократично молча ринулся на осаждавших со спины. Я чуть замешкался с выбором оружия, а затем в мою ладонь с размаху впечаталась холодная рукоять меча, длинного и чуть расширяющегося на конце.

От лезвия и даже рукояти пошел недобрый зеленый свет, словно я сжимаю в руке холодное пламя, непонятное и потому особенно опасное.

Альбрехт успел зарубить двух, я же только вскинул клинок над головой, но получилось вообще-то театрально красиво.

Конники Норберта пронеслись вдоль ограды словно ураган, сметающий опавшие листья, за ними остались кучи трупов и просто разбросанные тела.

Еще с десятков пробовали отползти, но разведчики по взмаху руки Чекарда хладнокровно доби́ли их и помчались вслед за своим командиром.

С той стороны ограды солдаты в форме императорской гвардии, что выглядит для моих орлов такой смешной, измученные и с помятыми кирасами, смотрят между металлическими прутьями с угрюмой обреченностью.

Я вложил меч в ножны и помахал рукой.

– Благодарю за службу! Вы не оставили свой пост, за что получите повышение и прочие награды. Плюс единовременное жалованье в двойном размере.

У них даже не нашлось сил переглянуться, смотрят на меня и моих людей с подозрением, никто не сдвинулся с места.

Альбрехт сказал им резким голосом:

– Открыть ворота!.. Не видите, помощь пришла.

Один из воинов, по виду старший, спросил с твердостью:

– О помощи нам не говорилось.

Я указал большим пальцем через плечо в ту сторону, где высится устрашающий багровый купол Маркуса.

– А о таком вам сказали?.. Быстрее отворяйте ворота!..

Мой голос прозвучал достаточно властно, я сам ощутил в нем новые нотки, что-то особенное, заставляющее людей повиноваться.

Стражник вздрогнул, бросился к воротам. Двое помогли ему с готовностью, а когда створки широко распахнулись, я сказал с достоинством:

– Вы хорошо исполняли свой долг и будете вознаграждены! Обещаю.

Даже на этой стороне ограды перед воротами широкие пятна крови на брусчатке, в щелях между камнями кровь еще даже не успела впитаться. От ворот по брусчатке красные полосы, словно трупы утаскивали в спешке, тысячелетние традиции и устав велят держать территорию дворца в чистоте.

Норберт взмахом руки послал группу своих вперед, но те не помчались к главному зданию, как я ожидал, а заученно рассеялись по два человека, охватывая весь комплекс строений, как жилых, так и административных, если я правильно угадываю их назначение.

Копыта наших коней красиво и бодро стучат по широким плитам белоснежного мрамора площади, что не площадь, а широкая аллея, ведущая к главному зданию дворца.

Справа и слева уже зелень, фонтаны, из-за цветущих кустов несется щебетанье и чириканье спрятавшихся птиц.

Норберт и его ближайшие помощники держатся в седлах ровно и с холодными непроницаемыми лицами, дескать, и не такое видывали, хотя дворец Скагеррака ошеломил даже меня величием и той редкостной красотой, когда монументальность форм умело сочетается с изысканностью стиля.

Рыцари за моей спиной тоже хранят молчание, только Митчелл отпустил какую-то шуточку, но никто ее не поддержал обычным хохотом.

– Вон те два здания должны быть для гостей, – предположил Норберт. – А заложников я поселил бы вон в том, пониже, его легче держать под наблюдением.

– Ими позже, – ответил я веско. – Сперва главный дворец, там разместим военную комендатуру. Со всеми неудобствами.

– И военное положение?

– Да, – подтвердил я. – По всей империи. Все несправедливые местные законы отменяются, действуют только справедливые.

– Справедливые, – уточнил он, – это наши?

Я взглянул с укором:

– Герцог!

Он сказал пристыженно, но с ухмылкой:

– Приятно быть всегда справедливым. И во всех случаях. Что бы ни натворил.

– Вы не натворите, – посочувствовал я. – Мне бы ваши ежовые рукавицы, сэр Норберт! Вы всегда такой правильный! Вы не отец Дитрих в молодости?

Его ухмылка стала шире.

– Думаю, отец Дитрих в молодости покуролесил. Потому теперь такой мудрый и нравоучающий.

Глава 7

Громада здания вырастает, уже можно рассмотреть баре-

льеф на стенах, но все еще нет подавляющей монументальности. Некая возвышенность форм придает ощущение радостного подъема, но сейчас я, как и Норберт с его людьми, всматривался в небольшой отряд воинов в металлических доспехах и с цветными плюмажами на верхушках шлемов, что высыпали из здания и загородили вход.

Норберт вскинул руку, отряд послушно остановился. Я первым покинул седло, Бобик уже вертится в нетерпении, и едва мы с Норбертом и его командирами двинулись вверх по ступенькам, помчался впереди нас.

Стража императорского дворца, одетая настолько ярко и пышно, что просто клоуны, тоже всматривается в нас с напряженным вниманием, а по мере того, как поднимаемся по ступенькам, один за другим обнажили мечи и выстроились в две линии, загораживая расписные двери, больше похожие на ворота.

Я покосился на своих, у всех на лицах веселье и пренебрежительные улыбки. Трудно считать опасными воинами тех, кто защищен только легкой кирасой, а короткие зеленые штаны и ноги в чулках вызывают здоровый мужской смех.

Я только открыл рот для приветствия, как один из воинов в женских туфлях сказал резко:

– Стойте!.. Дальше ни шагу!.. Кто вы?

Я сказал дружеским голосом:

– Помощь, доблестный сэръ. Очень своевременная. Если бы не подоспела, там уже сломали бы ограду, а вы отбива-

лись бы от тысяч обезумевших дикарей, что уже растоптали бы благородного сэра Титуса с его людьми! Да-да, ваши горожане совсем одикарели... А кто вы, сэр?

Я постарался подпустить в голос высокомерного величия, воин ответил торопливо:

– Юстер, младший командир дворцовой стражи. Несу охрану.

– А где старший? – спросил я.

Он чуть запнулся, ответил уклончиво:

– Два дня назад отбыл, передав управление мне...

– Понятно, – сказал я и посмотрел на него пристально. – Вам же понятно, верно? С этой минуты вы, Юстер, старший по охране дворца. Благодарю за службу!

Он спросил торопливо:

– Что с внешней охраной?

– Потерь почти нет, – сказал я успокаивающе. – Мы успели вовремя. Чернь разбежалась... которая успела. Если снова и сунутся, то дальше ограды никто не пройдет, мы там оставили и своих людей. Как во дворце?

Он ответил послушно:

– Продуктов на неделю.

– Прекрасно, – ответил я. – За неделю все наладим.

Он перевел устранный взгляд на багровый купол Маркуса, что заслонил треть неба.

– Сэр...

– Все под контролем, – заверил я величественно. – Пой-

демте, сэр Норберт.

Юстер опомнился, загородил дорогу.

– Но это дворец императора!

Я покачал головой:

– Эх, Юстер... Вы ревностно исполняете долг и тем нравитесь. Но должны понимать, что если захотим войти... И дело не только в том, что останетесь здесь на ступеньках окровавленными трупами, вы бесстрашны, но распаленные кровью не войдут, а ворвутся в здание.

Он поспешно отступил.

– Сэр... но я даже не знаю, из какого королевства прибыла помощь!

– Дружественного, – заверил я. – Главное, дисциплина и порядок, не так ли?.. Все, кто повинуется закону и порядку, с нами. Вы думаете иначе?

Он заколебался, но все же вскинул руку, а его стражники, все еще с алебардами в руках, с явным облегчением, но для вида хмурясь и сверкая глазами, отступили от двери в обе стороны.

Мы с Норбертом вдвинулись в холл, за нами еще пятеро младших командиров. Один выслушал Норберта, выскочил наружу и замахал обеими руками.

– Первая сотня ко мне!.. Остальным держать боевой порядок, охранять двор!

Я прислушался, но сэр Юстер, похоже, решил не препятствовать, и в холл начали входить спешившиеся разведчики

и мои рыцари, что взяли на себя охрану своего вождя и отца народа.

– Похоже, – сказал я, – слуги продолжают работу. Им не так страшно, когда чем-то заняты... Хотя, конечно, кто-то сбежал... Осмотреть и взять под контроль все нижние этажи! А мы заглянем в личные покои императора.

Норберт сообщил:

– Мои люди заглянут везде, но ничего не тронут.

– Хорошо, – одобрил я. – Кстати, отыщите придворного мага Джонатана Кавендиша. Это королевский маг второго допуска, кавалер Золотой Кометы.

Он прямо взглянул мне в глаза.

– Да, сэр Ричард... Похоже, вы знаете об этой империи больше, чем мы догадываемся?

– Нет-нет, – заверил я поспешно. – Просто занесло как-то к нему. Как мага к магу. Сами понимаете, общие интересы, увлечения...

– Бабы, – договорил он мрачно, – пьянки, драки...

– Нет-нет, – повторил я, – он слишком стар. Я тоже, раз уж старые книги читал.

– Страшно и представить, что вы там вычитывали.

Он оглянулся, повелительно вскинул руку.

– Эй там!.. Бегом!

Послышался топот ног, вбежал человек в ливрее лакея, с ног до головы содрагаясь от усердия, бледный и взвинченный.

– Повинуюсь...

– Отыщи королевского мага, – велел Норберт, взглянул на меня и уточнил: – Джонатана Кавендиша, других не надо.

Я добавил:

– Его еще называют Лаперузой. Возможно, за спиной. Бегги!

Он выметнулся за дверь, послышалась частая дробь каблуков. Похоже, лаборатория королевского мага располагается тут же, на первом этаже рядом с кухней, потому что уже через пару минут двое воинов ввели, поддерживая под руки, человека в расшитом золотыми звездами халате до пола и в островерхой шляпе с широкими полями.

Он поднял голову, наши взгляды встретились, его брови приподнялись.

– О, снова вы, Ричард Длинные Руки...

Норберт и Чекард переглянулись, Чекард пробормотал:

– Не удивлюсь, если наш лорд всех местных баб успел обрюхатить. Как ему такое удастся...

– Сэр Джонатан, – сказал я доброжелательно, – да-да, теперь уже сэр, научные кадры нужно беречь и давать им льготы, что я и намерен делать для подъема сельского хозяйства. Где наша милая принцесса?.. Кстати, как ее зовут?

За моей спиной Митчелл прошептал:

– Палант, слышал?.. Даже имен не спрашивает, сразу брюхатит. Вот это жизнь!

Кавендиш взглянул на меня исподлобья.

– Зачем она вам?

– Верну домой, – сообщил я. – И вообще всех заложников отпущу.

Митчелл за моей спиной с жаром прошептал Паланту:

– Всех успел, чем угодно клянусь!.. Отпускает уже обрюхатенных!

Кавендиш проговорил с иронией:

– Полагаете, успеют добежать до своих родных до того, как миру настанет конец?

За моей спиной довольно гоготнули, Альбрехт продолжал рассматривать чародея с безразличием и скукой на лице, тот наконец уловил что-то неладное, пошарил взглядом по нашим лицам.

– Что-то не так?

Я смолчал, зато Норберт поинтересовался медленно:

– Ваше Звездное Величество, вы уверены, что это умный человек?

– Он маг, – уточнил я, – а магу не обязательно быть умным. Магия не наука. Магия ближе к поэзии, искусству, а где вы видели умных поэтов, художников, артистов?

Норберт кивнул:

– Ах да, понятно. Но ваш Карл-Антон совсем не дурак.

– Он алхимик, – пояснил я. – А это переходная ступень от мага к ученому.

Кавендиш сказал раздраженно:

– Мне трудно понять юное поколение с его новомодными

словечками! Но сейчас, как я понимаю, весь дворец в вашей власти... Пусть даже на часы или сутки.

– Как и город, – уточнил я, – и вся империя. Где принцесса?

Он с недоверием посмотрел все еще исподлобья.

– Она в моем кабинете. Там безопаснее.

– Точно? Пожар не устроит?

– Она аккуратная девочка, – сообщил он. – И уже знает, к чему прикасаться нельзя.

Митчелл прошептал за моей спиной Паланту:

– Слыхал? Уже знает...

Я подумал, кивнул:

– Ладно. Сейчас все равно рискованно везти ее в Монтегю. Да и зачем? Пусть побудет. Дорогой герцог, мы пока посмотрим, что там выше, а магу пусть объяснит положение дел, если восхочет, кто-нибудь из ваших свободных разведчиков. Кому совсем уж делать нечего.

– Сделано, – ответил Норберт и, кивнув одному из своих, молча пошел за нами с Альбрехтом.

Из холла левая дверь распахнулась в роскошный зал. Я заметил, как вздрогнули Альбрехт и Норберт, я сам пожегся: свод где-то в небесах, стены одна от другой на сотню шагов, а между ними ни единой колонны, поддерживающей потолок.

Зато полуколонны выступают из стен настолько объемные, что и не колонны, а крепостные башни. Свет идет от

стен и безумно высокого потолка, подозреваю, что выше этажей нет, хотя и непонятно, что за дикая архитектура.

Я постоял на пороге, созерцая эти чудеса без всякой приязни, я же не Пржевальский какой, а политик вроде германского короля Густава, что не хотел быть великим полководцем, а предпочитал прожить без войн и потрясений в своем тихом королевстве.

Альбрехт пробормотал:

– Зачем такие... размеры? Глупость какая-то.

Я сказал с подчеркнутым равнодушием:

– Где глупость? Холодный расчет. Воюют не только армиями, дорогой герцог. Сражения начинают вот с такого давления... Да-да, величие дворца гласит о силе и мощи народа. Или правительства, не важно. Посмотрит на такие колонны иной приглашенный в гости король, скажет себе: нет, с этими тягаться не смогу.

Альбрехт вздохнул, а Норберт сказал с пониманием:

– Архитектура в политике? Или политика в архитектуре?

– Главное, – уточнил я, – выверенность политики. Не принуждать огнем и мечом, истребляя половину чужого населения и ввергая в нищету свое, а вот так красиво и мягко, чтобы правитель чужого королевства сам принял условия зависимости. Посмотрит на такой дворец, поймет, какие силы и деньги были вбуханы, прикинет насчет того, потянет ли такое сам, и если нет, подожмет хвост и сделает голос тоньше, а поклоны ниже.

Он промолчал, несколько озадаченный, а следующий за нами Митчелл покрутил головой:

– Мудрено... и как-то не по-мужски. Нет чтобы вывести свои армии в чисто поле и сойтись грудь в грудь. Кто победит, тот и брюхатит чужих жен. Разве не Господь установил, чтобы род человеческий шел от победителей, а не хитрожопых?

Теперь уже я промолчал. Мои военачальники правы по-своему, их так воспитали, но даже в насквозь рыцарском мире в битву рвутся только младшие рыцари и оруженосцы, стремясь заслужить великую славу воителя, а государи все-таки стараются захватывать чужое малой кровью, а то и вообще без крови.

– Ладно, – сказал я коротко, – посмотрели, и хватит. Надо работать, а не.

Из холла еще одна дверь в правой стене, но я рисковать не стал, пошел прямо, там широкая лестница с красивыми поручнями из белейшего мрамора, ступени прикрыты ярко-красным ковром, каждая балясина – произведение искусства, каждая выполнена в виде каких-то зверюк, поддерживающих поручень.

Оба двинулись справа и слева от меня, я сказал успокаивающе:

– Да бросьте, разве ловкачи сэра Норберта не пробежались по этажам раньше нас?.. Не думаю, что опасно.

Норберт ухмыльнулся:

– Да это так, по привычке. Я велел оставить охрану на каждом этаже. У лестницы, чтобы все было видно.

– Не распыляйте силы, – предостерег я. – Нас и так горсть песка в этом море.

Я слышал, как там, наверху люди Норберта, громко перекрикиваясь, заглядывают во все щели и во все углы, уже не столько в поисках опасности или ловушек, но слишком много дивного и непривычного для северян, попавших в мир неслыханной сложности и роскоши.

Из окон сказочные виды на сады неслыханной красоты, аллеи, фонтаны, тоже диво дивное, никто из моих героев их раньше не видел, со всех сторон слышу потрясенное «ах» и «как они тут живут».

Продвигаемся медленно, хотя залы и коридоры впереди прочесывают суровые и немногословные люди Норберта, уже выявили несколько спрятавшихся слуг, велели встать у стен и в неподвижности ждать новых хозяев.

Однажды догнал, мощно грохоча сапогами, Чекард, прокричал еще издали:

– Сэр Ричард!.. Слуги донесли, заложники императора вон в том здании!.. Но там сейчас неприятности.

Я спросил резко:

– Какие?

– Челядь решила пограбить, есть убитые. Сейчас там заваруха. Стража, что охраняла заложников, тоже с челядью.

– Немедленно туда отряд!

Он крикнул:

– Уже сделано, ваше величество.

– Норберт успел? – спросил я с облегчением.

Он ответил виновато:

– Его не было, пришлось мне.

– Что приказал?

– Бунтовщиков не щадить, – ответил он торопливо. – Уцелевших заложников взять под охрану. Теперь они как бы наши то ли заложники, то ли спасенные... Вам решать!

– Молодец, – сказал я. – Растешь, Чекард. Думаю, пора тебе титул виконта и полномочия пошире.

– Ох, ваше величество!

– Не бойся, – сказал я наставительно, – и дальше брать на себя ответственность. Исполнители не так быстро растут, как инициативники. Правда, инициативники и падают чаще с высот мордой о камни... Веди, посмотрим на заложников.

Из здания люди Чекарда уже выволакивают трупы и раненых местных из челяди. Несколько человек в форме дворцовой стражи добивают и бросают их тела в кучу.

Примчался запыхавшийся Юстер, глаза как блюдца, я сказал успокаивающе:

– Все под контролем!.. Мои люди успели. Посмотрите еще раз на челядь, вы их знаете лучше. Неблагополучных уберите сразу. Больше никаких грабежей и бесчинств!

Он вскрикнул в страхе:

– Как... гости его императорского величества?

– Целы, – сказал я. – Их охрана тоже на ваших плечах?..
Все в порядке, сэр Юстер. Теперь вам будет легче.

Он проговорил с натугой:

– Даже не знаю, как благодарить...

– Мы вместе делаем общее дело, – ответил я высокопарно и, сделав знак своим следовать за мной, двинулся в здание.

Мелькнула мысль: как же хорошо, что череп забит штампами, когда-то ненавидел, что лезут со всех сторон, а это, оказывается, так удобно для употребления перед теми, для кого это еще не стало штампами. Штампы – нечто выверенное, устоявшееся, правильное и красиво оформленное, а ненавидим их только за то, что штампы, но когда произносишь впервые – то это яркая и оригинальная мысль в идеально компактной форме.

В холле много крови, по углам слышны крики, там режут последних неудачливых грабителей.

Я посмотрел на широкую лестницу, ведущую наверх, там не меньше восьми этажей, поморщился.

Чекард подбежал по моему повелительному знаку.

– Ваше величество?

– Чекард, – сказал я, – тебе задание. Некогда мне ходить в зверинцы! Вашему лорду мир спасти надо, а ты собери этих заложников и объясни ситуацию. Нам заложники не потребны, мы не хвататели чужого добра, а как бы освободители угнетенного и прочего народа. Насчет того, что будем освобождать их карманы, умолчи, понял? Зато побольше насчет

всевозможных свобод, кроме свободы убивать и грабить.

Он кивнул, вытянулся:

– Благодарю за высокое доверие!.. Насчет того, что убивать и грабить можно только нам... умолчать?

– Они и так поймут, – ответил я недобро. – Нечего тыкать палкой в больные места. Действуй!

Я повернулся и пошел из здания, а он, взвеселенный еще больше, начал бодрым голосом рассылать людей своего отряда по этажам.

Глава 8

В исполинском дворе пусто, как в ограбленной могиле. Люди Юстера вернулись к охране периметра дворца, отряды Макса целеустремленно прочесывают город, истребляя замеченных или даже заподозренных в грабежах и насилиях, а отряд моих многочисленных телохранителей, среди которых Хрурт и Умальд просто утонули, так же старательно и скрупулезно обшаривают все здания императорского дворца.

Это займет их надолго, хотя, на мой взгляд, занимаются ерундой, никто в обреченном на гибель мире не станет устраивать засады или готовить ловушки, но пусть, какие-то ловушки могут остаться еще с благополучных времен.

На четвертом этаже возникло некоторое замешательство, там трое разведчиков остановили старика, в котором я узнал Джонатана Кавендиша, королевского мага, а к нему тесно

прижимается юная принцесса, внучка императора Германа.

Маг устало опирается на посох, а принцесса первой заметила меня и, высвободившись из-под руки мага, храбро сделала шаг навстречу.

– Снова вы?

Телохранители переглянулись, кто-то хмыкнул, один тихонько ржанул, снова легенды начнут множиться, лестные для моего мужского самолюбия.

Я поинтересовался строго:

– А почему не там, где все прочие принцы и принцессы соседних держав?

Она так рассматривала меня во все глаза, что даже не сразу ответила своим тонюсеньким голоском:

– Там наши апартаменты, но днем мы можем... А кто вы?

Из телохранителей снова кто-то довольно ржанул за спиной, подразумевается, лорд брюхатит и даже имен не спрашивает, есть ли более сладостная мечта для мужчин.

Я кивнул в сторону долговязой фигуры мага.

– Он уже знает.

– Он мне сказал, – сообщила она рассудительно, – потому я вышла. Только не верю ни единому слову.

– Все верно, – согласился я. – Мужчинам нельзя верить, мама правду говорила. Все они обманщики!.. Принцесса, вы вообще-то больше не заложница.

Она смотрела на меня во все глаза, явно Кавендишу успели растолковать, кто мы и почему рядом с городом страш-

но высится чудовищная громада Багровой Звезды, а он как смог объяснил внучке императора такое невероятное, во что и сам, похоже, до сих пор поверить все еще не может, потому и ее не убедил.

– Принцесса, – повторил я, – вы свободны. Можете упорхнуть к своей родне, но сейчас не представляю, как это делаете. Потому проще остаться пока здесь.

Она спросила тонким голоском:

– Пока... это насколько?

– Не знаю, – ответил я честно. – Если ваш маг может перенести в ваше родовое гнездо, пусть сделает... если желаете.

Она спросила внезапно:

– Так кто вы?

Я пожал плечами:

– Если вам трудно отказаться от моего благородного образа вожака воров, держитесь за него! Говорю как опытный психотерапевт-интуитивист. Меня как только не называли.

Она пообещала с детской осторожностью:

– Я назову вас, как вы себя назовете.

– Вообще-то, – сказал я скромно, – говоря со всей присущей мне застенчивостью артиста, я Воин Света и борец за всеобщую справедливость. Ну, как понимаю, а я понимаю самый лучший в мире, как мне почему-то кажется. И там, где прохожу, все становятся такими понимающими-понимающими...

Она зябко посмотрела в окно, за которым вдали высится

багровый купол, похожий на раскаленный в небесном горне слиток металла. Я видел, как съежилась, как птенчик под холодным дождем, пискнула совсем тоненьким голоском:

– А это в самом деле?..

– Мираж, – сказал я великодушно. – Человек – то, что есть и во что верит. Не буду спрашивать, во что верите вы, неприлично молодых девушек о таком, я не настолько стоек, просто рекомендую неспешно всмотреться, какие мы красивые в своей чистоте и наивности... и вы во многое поверите.

Я кивнул Альбрехту, что молча и с сочувствием наблюдает за нашим общением, и мы повернулись к дверям.

Она спросила мне в спину с великим удивлением, в котором мне почудилось и сожаление:

– Уже уходите?

– Нужно, – ответил я вполоборота с тяжким вздохом.

– Почему?

Я остановился, взглянул в ее чистое лицо и ясные глаза.

– Принцесса... вы такая чистая душа, что рискую влюбиться. А это чревато и недопустимо с точки зрения империи и миропорядка. И сельскому хозяйству будет нанесен ущерб.

Я поклонился и быстрыми шагами вышел из комнаты, и только в коридоре, увидев лицо Альбрехта, понял, что брякнул чистой правду.

Альбрехт промолчал, таких моментов касаться рискованно, все личное есть личное, и только когда спустились на пер-

вый этаж, сказал осторожно:

– Это вообще-то козырь! Я имею в виду для разговора с императором Германом. Вы спасли из плена его любимую внучку!

Я посмотрел на него искоса.

– Какие нам еще нужны козыри?

Он посмотрел в упор строгими серыми глазами, в них и сочувствие, и требование быть вождем всегда и во всем.

– Да, вы правы, сэр Ричард. Все позволено... Страшно, да?

– Даже не представляете, – признался я. – Раньше всегда мог сослаться на обстоятельства, а сейчас впервые отвечаю за каждый шаг и каждое слово.

– А обстоятельства?

– Обстоятельства – это мы.

Он покачал головой:

– Когда был молодым, считал, что быть королем – это пить лучшие вина и тащить в постель любую женщину!.. Но сейчас даже не представляю, каково вам, сэр Ричард. Вы так молоды... Или все потому, что старые книги читали?

– Слишком усердно читал, – огрызнулся я. – Теперь вроде и не старый, но все же старый, потому что голова наполнена Сократом, Аристотелем, Декартом и прочими фрейдами, докинзами и фрогами с грассхопперами. Главное, с ужасом понял, что чем выше поднимаешься, тем большим жертвуешь... и от большего отказываешься.

Он помотал головой:

– Лучше не говорите, а то спать не буду. Вы как спите?

– Как бревно, – сообщил я. – Чтобы выжить, нужно стать толстокожим.

Он усмехнулся.

– Да, рождаемся чистыми и отзывчивыми, а потом таким панцирем обрастаем!.. А иначе, вы правы, не выжить. Наверное, для того Господь и дал пинка Адаму, чтобы человек повзрослел на свободе.

Я зевнул и, взглянув в дальнее окно, передернул плечами:

– Господи, уже вечер!

– Все здания очищены, – сообщил он. – Как и двор, а на воротах надежная охрана. Вы намерены поспать хоть малость?

Я взглянул на темнеющее небо, из-за обилия света во дворе в суматохе забывается, что вот так незаметно придет и утро.

– Ого... И вы поспите, герцог. Завтра день не легче.

– Это уже не новость, – согласился он. – Доброй ночи, Ваша Звездная Кометность!

– И вас туда же, герцог.

На пути к покоям императора, которые я облюбовал для себя в целях преемственности власти, обратил внимание, что слуги уже повыползали из нор, стоят вдоль стен и кланяются, готовые служить, а то иначе новые хозяева отыщут и убьют в благородном раздражении, а убитому жаловаться

некому.

В громадном дворцовом комплексе осталось немало придворных, император всех захватить с собой не в состоянии, первое время прятались, таились, но бесчинств не последовало, и начали потихоньку выползать из нор.

В этот долгий день, подумалось устало, вместились и перелет через океан, и картографирование всего пути по прямой к Монтегю, и даже захват столицы, но и этот день завершился торжественным закатом, такие не увидишь на Севере с его скупыми красками.

Он охватил западную часть небосклона, растекся расплавленным золотом по его тверди, оставляя редкие полосы удивительно яркой синевы.

К этому времени во дворце в какой-то мере устаканилось, а слуги начали снова почти в привычном ритме. Ощутилось робкое движение и среди придворных. Правда, не столько движение, как осторожное перемещение вдоль стен, мгновенное замирание при появлении таинственных захватчиков и низкие поклоны, но лица у всех просто полыхают страхом и любопытством.

Умальд догнал и сказал заботливо:

– Сэр Ричард... Вы с ног валитесь. Норберт уже отыскал императорские покои!.. До утра ничего не случится!

– Веди, – ответил я коротко.

Широкая лестница, ступени покрыты красным бархатом, перила из белого мрамора, необыкновенная роскошь впечат-

тана в каждый дюйм стены, а когда поднялись на этаж императорских покоев, там даже в коридоре над каждой плиткой пола поработали мастера с безукоризненным вкусом.

Шедевры искусства и под ногами, а что уж о стенах, полуколоннах, картинах и барельефах, где каждый дюйм не просто расписан самыми умелыми художниками и ювелирами, но украшен мелкими или крупными драгоценными камнями. На мой взгляд, перебор, но здесь все должно по-варварски наглядно говорить о величии и богатстве, это тоже политика и молчаливое напоминание, кто в доме хозяин.

Умальд остановился впереди у массивной двери, а Хрурт красивым жестом распахнул передо мной, словно торговец на базаре.

Это не спальня, как мне показалось, а картинная галерея, куда должны водить толпы богатых экскурсантов. Мебели многовато, вся чересчурная, а в дальнем конце виднеется ложе с красным балдахином. Настоящее императорское: во все четыре столба вделаны, конечно же, крупные рубины, что должны не то поддерживать, не то разжигать страсти и чувства. Вообще красный цвет доминирует в спальне, столбы тоже из красного дерева, пусть не такого яркого, как полотно балдахина, но чувственного, ага, чувственного. Огонь как бы страсти. Вроде красного перца и красного мяса.

– Если что, – велел я, – будите.

Я осмотрелся еще раз, размерами и пышностью меня не удивишь, хотя, конечно, впечатляет, когда чувствуешь себя

чуть ли не в центральном зале музея искусств и одновременно императорской сокровищнице.

Захлопнув дверь, я, на ходу сбрасывая одежду, потащился к ложу. Усталость в самом деле налила горячим свинцом руки и ноги, даже в голове туман.

Со всех сторон ложе задернуто красными полупрозрачными тканями, я грубо отдернул, все по ту сторону роскошное, широкое, белоснежная простыня, пышные одеяла из лебяжьего пуха и красиво взбитые подушки, а молодая сочная женщина полулежит, глядя в ожидании на меня огромными глазами.

Платье задрано до середины бедер, недопустимая вольность, а на ногах громоздкие туфли золотистого цвета с массивными браслетами на щиколотках. Впрочем, браслеты соединены с туфлями, так что это тоже как бы туфли. Лежит на постели прямо в туфлях то ли для экзотики, чтобы было похоже на внезапность, то ли на случай, если велю убираться.

Я сказал равнодушно-участливо:

– Не сейчас.

Она моментально вскочила, легко и часто простучали каблучки за моей спиной, дверь в коридор захлопнулась беззвучно.

Быстро сработали местные управляющие, подумал я благосклонно. Учитывают, что их новый господин самец, хоть и властелин Багровой Звезды. Но на самом деле я самец во вторую, а то и в третью очередь. Пока не освоюсь и не пойму,

какие опасности грозят вот прямо сейчас, никаких подстав с удовлетворением самцовых потребностей, даже вот так не снимая лыж. И своя шкура дороже, и шкура нашего общего дела. И вообще. Я мужчина, а не самец, у которого инстинкты на первом плане. Воздержусь. Бывали ситуации, когда оказывался под одним плащом с женщиной, но честь и достоинство, а также именно мужская гордость удерживали.

Глава 9

Ложе еще хранит жар ее молодого сочного тела, даже пожалел, что отправил вот просто так, кто бы еще удержался, кроме нас со святым Антонием, сел на край и торопливо потер кончиком пальца кольцо, по привычке стараясь делать это незаметно, хотя и один в спальне.

– Серфик!. Явись пред мои грозные, но милостивые очи.

В комнате блеснула искорка, метнулась к столу. Тут же в пламени свечи заплясал крохотный демон размером с только что родившегося кузнечика, только ярко-красный с головы до ног, но с такими же любопытно выпуклыми глазами.

– Слушаюсь и повинуюсь, – пискнул он, – господин!

Я с облегчением перевел дух. Все это время грызла тревожная мысль, что контакт с демонами прервался, а это почти катастрофа, но сейчас это мелкое существо визжит и пляшет в жарком огне свечи, бессильное, но ценное как посредник с могучими сородичами.

– Как там Четыврестацкнаеранненный? – осведомился я. – Жив, здоров?..

– Да, – пропищал Серфик. – Хотите говорить с демонами?

– Ты догадлив, – похвалил я.

– Я такой, – похвалился он. – Но потому слабенький... Но, господин, у тебя в услужении Кешатетр-сто семьдесят четыре минус два зэт, которого ты назвал Кешей, Ацетатль Цетлинбиопорокс, он теперь с именем Гоша, Амоксиклав Клавулан-АТХ, ты ему дал имя Ящер, Мильаммотианид-ПТФ-пирофон...

– Который Мишка? – спросил я. – Да, помню-помню. Не так уж и сильно меня по голове били, чтобы все забыл. Хочешь понять, почему их не зову?

Он ответил виноватым голоском:

– Я стараюсь служить, мой господин!

– Их тридцать восемь, – пояснил я. – Тридцать восемь... сотрудников, все пока в неоплачиваемом отпуске. Но для масштабной операции я не прочь привлечь и добровольцев. За достойный гонорар. Одноразовая такая подработка, что может сделать навеки богатым и свободным. Я политик и хозяйственник... Тебе там не холодно?

– Нет-нет, – заверил он счастливо. – Я люблю так!

– Хорошо, – сказал я. – Дело вот в чем. Я замыслил еще более широкую операцию по освобождению угнетенного населения демонов от зловещей и несправедливой власти магов! И не локально, коммунизм не построить в отдельно взя-

том королевстве, уже знаю. Я намыслил сразу вдарить по несправедливости в масштабе всего континента! Как человек широких запросов и здорового аппетита в сочетании с умеренной наглостью и бесстыдством политика. Это относится не только к зеркальному шкафу.

Он завозился в пламени свечи, я видел, как его торчащие ушки удлинились и повернулись в мою сторону широкими раструбами.

– Господин?

– В вашем племени, – поинтересовался я, – есть не только быстрые и сильные, но и смышленные? В том смысле, что соображают лучше остальных?..

Он подумал, пискнул:

– Есть и такие. Но они слабые.

– Умность тоже сила, – выдал я перл, – только другого калибра.

– Господин?

– Можешь переговорить с такими? – сказал я. – У меня заманчивое предложение. Взаимовыгодное, но вам выгоднее больше, чем мне или людям.

– Какое? – спросил он.

– Маги, – напомнил я. – Все вы постоянно помните о них, верно? Это же inferнальная угроза. Я по своей бесконечной и необъяснимой наукой доброте, что просто дурь какая-то, мечтаю освободить, как Боливар в сомбреро, угнетенных демонов от засилья магов. Великих, Верховных и даже мелких.

Мелкие не столь успешные, но тоже могут подбирать имена демонов, верно? И вообще... Не будет магов, разве вам не праздник?

Он потанцевал в пламени свечи, показывая, что уже празднует.

– Не будет магов?

– Да, – подтвердил я. – Но поработать во имя истребления этого сословия придется. За вашу и частично нашу свободу, а также расцвет сельского хозяйства. Во имя будущих поколений.

Он пискнул озадаченно:

– У нас не бывает поколений.

– А-а, бессмертные? – сказал я. – Тогда во имя вашего светлого плазменного будущего.

Он пометался в огне еще, наконец пропищал:

– Я знаю двоих! Поищу еще?

– Ищи, – велел я. – Возвращайся с хорошими для вашей... вашего племени новостями. Как понял?

– Никак, – ответил он, глядя чистыми честными глазами ребенка. – Это все слишком сложно, но сделаю все, как велешь. Мы обязаны подчиняться тому, кто знает наши имена, а сами по себе ничего в мире людей не делаем. Я поговорю с Четырестацкнаеранненным, чтобы поставил стену!

Он исчез по движению моих пальцев, догадливый и слабенький, как он сообщил с грустью, но в этом наверняка серьезный расчет древних создателей. Похоже, технику без-

опасности соблюдали строго: чем демон сильнее, тем тупее и послушнее, а самому слабому дали больше соображалки.

Я рухнул в постель и заснул раньше, чем голова коснулась подушки.

Ночью, как я понял сквозь крепкий, но чуткий сон императора, суeta во всех зданиях дворца не прекращалась, зато упорядочивалась. Перед нами у местных нет особого страха, все еще ждут конца света, к тому же мы сами сохраняем все в неприкосновенности, но смотрят с жадным любопытством, в каждого из нас заложено, что при любых переменах выигрывает тот, кто быстрее увидит новые варианты взаимодействий и вообще новые ниши.

Спать люблю, но успеваю крепко освежиться за два-три часа, потому уже проснулся и лежал, выстраивая все, что нужно сделать сперва, а что потом, когда Периальд наконец увидел, что не сплю, рывком поднялся со стульчика.

– Сэр Ричард?

– Не терпится сдать дежурство? – спросил я.

Он широко улыбнулся:

– Тут какие-то хотели пройти в вашу спальню. Говорят, у них привилегия присутствовать при пробуждении и одевании императора!

– Погнал? – поинтересовался я.

– Еще как! Наглецы!

Я сказал дружески:

– Привыкай, у них такой обычай. Вот ты спишь не в кори-

доре, а здесь, чтобы не сводить глаз с моей кровати, а у местных целая толпа следит. Не только стража, но и придворные высшего ранга. Это считается великой честью и привилегией! За это право дерутся, интригуют, подсиживают друг друга. А ты знаешь, какая высокая честь выносить ночной горшок императора?.. Герцоги сражаются за эту честь! Это же быть ближе к императору, понимаешь?

Он спросил обалдело:

– Так что же... пускать?

– Гнать, – ответил я уверенно. – Ссылайся на условия военного времени. А потом, когда отменим, что-то еще придумаем...

Он смотрел, как я уверенно вскочил и разминал плечи, подал мне брюки, а когда я быстро влез, снял со спинки кресла и протянул рубашку.

– Видишь, – сказал я, – как все просто? А здесь это целая церемония. Долгая, нудная и ох какая торжественная. Но мы выстоим!.. С другой стороны, это же хорошо, что лезут участвовать.

– Сэр Ричард?

Я пожал плечами:

– Пока сам не понял. То ли признают меня их императором, что сомнительно, то ли жаждут посмотреть, как это у нас, но главное – уже не боятся!

– Дураки, – сказал он.

– Еще какие, – согласился я, – но умные.

Завтракая на ходу, направился к выходу, но куда бы ни шел, Умальд и Хрурт, а также люди Норберта стараются бежать впереди, торопясь обезопасить своего лорда от любых неожиданностей.

Придворные, быстро сориентировавшись по реакции моей охраны, спешат в нужную сторону отовсюду, выстраиваются вдоль стен и кланяются, стараясь поймать мой взгляд, чтобы потом обсуждать, что бы это значило и чего ожидать от новоприбывших людей с оружием, с которым не расстанутся даже в императорском дворце.

Норберт во дворе с нетерпеливым видом выслушивает двух разведчиков, один докладывает быстро и четко, второй мямлит и с виноватым видом разводит руками.

Увидев, как бодро сбегая по мрамору ступеней, словно все еще полевой вождь, а не император, отпустил их жестом и повернулся ко мне, суровый и подтянутый настолько привычно, что я просто не представляю, чтобы он расслабился даже во сне.

– Доброе утро, – сказал я приподнято. – Как спалось?

Он кивнул и ответил ровным голосом:

– Да, доброе. Почти никого не зарезали, стычек с местными не наблюдалось. Здесь вообще какой-то народ... странный. По багерам первые новости.

– Выкладывайте, – велел я, – не жадничайте, дорогой герцог!

Он посмотрел с укором, сейчас вокруг одни герцоги, кон-

ский повод бросить некому, как и послать за вином.

– Вы оказались правы, – сказал он.

– Чё, правда? – спросил я.

Он поморщился:

– Да, раньше тоже бывали... иногда. Словом, багеры здесь такие же, как и в империи Германа. Не знаю, подсматриваете каким-то хитрым образом или кто-то подсказывает, но двигаются с той же скоростью и по только им известным маршрутам. Хотя, конечно, теперь частично известным уже и нам.

– Ну-ну?

– Данные пришли только с тех, – предупредил он, – что на коротких дистанциях. Эти за ночь туда и обратно, но те, что подальше, пока в пути...

– Похоже, – сказал я, – вы своих людей туда забросили сразу?

Он посмотрел на меня с укором:

– Вы же сами велели!.. Там, в империи Германа. А здесь тоже империя и тоже багеры. Потому едва вошли в город, самые смысленные сразу же по два человека бросились на причальные башни. Думаю, завтра-послезавтра вернутся и с самых дальних. А вдруг пройдут и над другими империями?

– Это вряд ли, – ответил я с сожалением. – А хотелось бы. Всем сильным бы хотелось! Но здесь у слабых есть легкая возможность спастись от вторжения, всего лишь разрушив причальные башни.

Он посмотрел очень серьезно:

– Но это их не спасет?

– От императоров?

Он взглянул с укором:

– А что вам теперь императоры?

– Сэр Норберт, – сказал я предостерегающе. – Пока разберемся с теми маршрутами, с которыми нет проблем. Затем с теми, где причальных пирамид нет, но сверху что-то видно. Хорошо видно. Не хочу, чтобы какие-то неожиданности... Как обстановка в городе?

– Сэр Рокгаллер, – ответил он кратко. – Справляется.

Я кивнул, сам рекомендовал Рокгаллера на должность военного коменданта столицы. Его в Штайнфурте ждут три роскошных дворца, потому такому больнее других видеть, как чернь пытается грабить особняки богатых горожан.

Норберт коротко докладывал, что по приказу Рокгаллера небольшие отряды пришли на помощь сильно поредевшей городской страже, что снова принялась патрулировать улицы. Безжалостно рубят каждого заподозренного в грабежах и насилиях, за ночь почистили центр города, а сейчас принялись за окраины.

Пока он рассказывал, я прохаживался по широкой площадке внутреннего двора, отвечая на приветствия военачальников. Придворных пока нет, спят. У большинства первый завтрак, когда у нас второй обед, но во дворе уже бодрая суeta, местные слуги и служащие носятся с подчеркнутым рвением, выказывая, что работают, работают, работают,

несмотря ни на что, нужные и полезные, без них все рухнет.

Сам Рокгаллер ввиду своей занятости, да и очень заметной тучности, город решил не покидать, но сэр Растер по его наводке увел большой конный отряд в ближайшие села, откуда все еще прут в столицу жадные до грабежей и насилий крестьяне.

Хорошо сработал, как с одобрением доложил Норберт, также глава охраны столицы Титус, теперь уже сэр Титус. Отряд быстро пополнил, что было его главной болью, теперь там почти полный комплект.

Последовав моему указанию, он сообщил всем, что вернувшиеся на службу получают двойное жалованье, а еще им передадут имущество и жилье тех, кто преступно сбежал от исполнения воинского и служебного долга. Рвение и добросовестность должны быть вознаграждены за счет недобросовестных.

Я в сопровождении телохранителей на всякий случай объехал на арбогастре главные объекты города, придиричиво высматривая угрозы нашему режиму дружественной оккупации. Бобик несясь впереди и, вернувшись, доложил вилением хвоста и толстого зада, что сэр Титус замечен на своем посту у городских врат.

Глава 10

Увидев меня, Титус поспешил навстречу, правда, смотрит

все еще исподлбоя, я хоть император, но какой-то странный император, к тому же чужой. Конечно, любой король может посвящать в рыцарство воина как своей страны, так даже той, с которой война, но все равно Титус чувствует себя несколько не в своей тарелке, хотя вижу, посвящение в рыцари, пусть и пока только устное, еще как льстит.

– Сэр Титус, – сказал я с высоты седла значительно, – не забывайте, теперь охраняете не только главные ворота в город, но и весь город! Кстати, в канцелярии императора готовится, как я пообещал вам, документ по передаче земель и дворцов ушедших в пещеры тем, кто остался.

Он замер на мгновение, но тут же возразил:

– Это законно?

– Законы совершенствуются, – сообщил я. – На благо населения и на поддержание возвышения и процветания. Люди, что остались и вынесли тяжесть... а вы вынесли?.. должны быть вознаграждены. А те, кто ушел в пещеры, они же знали, что все их дома, дворцы и садики с фонтанами будут уничтожены катаклизмом! Не так ли? Тогда какие вопросы?

Он пробормотал озадаченно:

– Ну да...

– Ну вот, – сказал я авторитетно, – могут считать, что так и свершилось. Они бы вышли в диком разоренном мире, где не осталось бы их дворцов, владений, земель... Не так ли? Ну вот, их земель и домов нет, зато благодаря нам их самих не задавило в пещерах при тектонических сдвигах. Мы спас-

ли им жизни! Разве это не важнее, чем презренные земли и всякое там бездуховное имущество?

Он подумал, сказал медленно:

– Да, конечно, теперь из пещер выйдут живыми и целыми все, кто и пошел. Раньше вышли бы единицы, да и то если бы... Но вы уверены, что из Багровой Звезды не выпрыгнут чудовища и не захватят нас всех в плен?

– Не выпрыгнут, – заверил я. – А вот мы вышли. Так что наш дар императору и всем ушедшим с ним – жизнь и спасение! А имущество... Подумаешь, новое наживут. Главное, шкуры никто не снял.

Он спросил в лоб:

– А что с императором? Мы клятву верности давали ему!

– Вы клятву верности давали империи, – уточнил я, – которую олицетворяет император. Императоры меняются, а империя должна быть вечной и несокрушимой!.. И в ней закон и порядок, не так ли?

Он замедленно кивнул:

– Вроде бы все так...

– Действуйте, – велел я императорским голосом. – На таких, как вы, сэр Титус, держится любая власть, а порядок так и вовсе зиждется. Императоры меняются, но империя держится на титусах!

Альбрехт, что подъехал со спины и внимательно слушал, пустил коня рядом и поинтересовался с сомнением:

– Полагаете, хороший ход?

– Он сам вытекал, – сказал я, защищаясь. – А что? В пещеры ушло крохотное меньшинство, а на погибель оставлено абсолютное большинство. Конечно, на всех оставленных земель и домов не хватит, но чувство справедливости будет удовлетворено даже у тех, кому ничего не достанется.

– И чувство мести, – добавил он. – В каждом живет это злорадненькое: ага, бросили нас, теперь кусайте локти.

– Вот-вот. Мы же люди, а люди под улыбками злобные твари.

– Симпатии и поддержка абсолютного большинства, – ответил он, – вам обеспечены, все-таки соучастие в преступлении сплачивает!

– Бросьте, дорогой друг, – сказал я с укором. – Какое соучастие в преступлении?

– А как?

– Все справедливо! Руководство в любой стране, бросившее своих людей на гибель, считается нелегитимным. Сами спаслись, а рядовые пусть гибнут? Таких офицеров расстреливают перед строем. Мы поступим намного гуманнее.

– То есть казнить будете выборочно?

– Будем, – поправил я. – Не увиливайте, герцог. А то пряники получать вы готовы, а участвовать в непопулярных мероприятиях как бы не?..

Он пожал плечами, но поспешно сорвал с головы шляпу и поклонился какой-то очень расфуфыренной даме на пороге ее дворца.

– Казни, – сказал он, – всегда популярны в народе. Особенно когда рубят головы богатым и знатным. Это даже интереснее, чем приезд бродячего цирка!

– Ну вот, – сказал я с облегчением. – Я просто следовал историческому процессу. Это не я как бы решил, а такова поступь истории. Сымай сапоги – власть переменялась!

Он смотрел на меня испытующе.

– Уже решили?

– Нет, – отрезал я. – Нет!.. Не хочу. Но если вселенная того желает, то как я могу противиться?

– Вселенная, – уточнил он, – это Господь?

– Да, – ответил я. – Хотя Господь вообще-то крупнее.

Он сдержанно улыбнулся, но я видел по его лицу, что уже быстро и расчетливо начинает просчитывать последствия и возможности такого поворота. Как опасные, вплоть до катастрофических, так и благоприятные.

На обратном пути я некоторое время поворачивал идею насчет перераспределения собственности, которую вычленил из серого тумана мыслей и сформулировал в разговоре. Вообще-то загнул, но сейчас, как сказал великий вождь пролетариата, самый удобный момент, вчера было рано, а завтра будет поздно.

Потому нужно нацелить все мои службы на внедрение в жизнь этого плана. Им привяжу к себе все население империи, а ушедших в пещеры поставлю вне закона.

Проехав через ворота дворцового ансамбля, где охрану несут люди Юстера, отдали коней набежавшим слугам, я покинул седло и знаком велел Альбрехту следовать за мной.

– Докладывайте, герцог. Не думаю, что всю ночь дрыхли или кувыркались с дамами.

– Что именно, ваше величество?

– Все, – отрубил я. – Ваши оценки, замеченные дыры в наших решениях, упущенные возможности, И те возможности, которые мы не заметили...

Он ответил, не задумываясь ни на мгновение:

– Багеры, воздушные и наземные. Королевства, где не принимают багеры. Странное ощущение здесь и везде, что нас не принимают всерьез. Я ожидал чего-то другого... Яростного сопротивления или хотя бы вражды, но не так вот. Мы явились, сказали, что катастрофа отменяется, а на нас смотрят с интересом... и все.

– Я тоже заметил, – проговорил я. – Странно, да?.. Но в империи Германа почти то же самое. Как будто все еще не верят, что такое случилось. Какой-то блок в мышлении. Или потому, что мы слишком разные?.. На нас смотрят как на простых дюжих крестьян, каким-то чудом захвативших Багровую Звезду Зла?

– На простых, – согласился он, – а еще дюжих и опасных. Но достаточно ли страха, чтобы править? Не вижу, чтобы нас уважали. Или начали уважать потом. Когда-то и за что-то. Ага, помрачнели, ваша Звездокометность?.. И, вы сказали

верно, здесь то же самое, что и в империи Германа.

Он указал взглядом на прогуливающихся по аллее дам и кавалеров, ярких, как мотыльки, и тоже покрытых пылью пудры.

– Почему, – проговорил он без выражения, – почему, сэр Ричард?

Я ощутил затруднение: трудно объяснять человеку рыцарской эпохи нравы послерыцарских времен, но в то же время все мы здесь, а еще здесь и останемся... по крайней мере надолго.

– Сотни лет без войн, – ответил я осторожно. – Может, даже тысячу или две... Можете такое себе представить? Я представляю с трудом, хотя... представляю. И вы, сэр Альбрехт, моя самая верная опора, должны понять и проникнуться, иначе мне будет совсем хреново и одиноко.

Он кивнул, лицо как никогда серьезное.

– Сэр Ричард. Я понимаю, что это непросто. Ладно, бейте прямо по голове.

– Общество усложнилось, – пояснил я, – сейчас при дворе всем управляет этикет. Вообще всем высшим светом. При этом дворе и при дворах всех остальных императоров. Думаю, и у королей так же, хотя насчет всех не уверен... Этикет управляет придворными, чиновниками, вельможами столицы и окраин. В ходу сотни изощреннейших правил, что регламентируют каждый шаг, каждое слово и взгляд.

– И что, – спросил он с иронией, – в самом деле нельзя

оступиться?

— Нельзя, — подтвердил я, — нельзя оступиться, нельзя промахнуться. Любая ошибка мгновенно рушит положение при дворе, даже сказывается на карьере. Глупо, но правильно.

— Как это?

— Человек всегда должен быть вздрючен, — пояснил я. — И жить на пределе. Если войн нет, должен быть жесткий отсев с помощью сложнейших правил и законов этикета. Общество и таким хитрым способом убирает слабых, глупых и ленивых. Правда, не убивает, как на войне, но не пропускает на верхние ступени.

Он пробормотал озадаченно:

— Неожиданный взгляд... Или это ваши шуточки? Все еще не могу определить, когда вас какая муха кусала. Ой, те дамы увидели нас, сейчас начнется... Свернем?

— Терпите, — велел я и, надев на лицо величаво-глупую улыбку, выпрямился и, заложив левую руку за спину, сменил шаг на вальяжно-державный, дескать, все хорошо, все поют. — С чего это дамы начали вас пугать?.. Или уже успели нашкодить?

Заметившие нас торопятся на аллею навстречу, там расступаются, давая широкий проход, мужчины кланяются, вишневато размахивая шляпами и выставляя вперед правую ногу в белом чулке и все еще непривычной нам туфле с большой женской пряжкой, а женщины церемонно и очень грациозно приседают, опуская глазки в землю.

Когда мы прошли и свернули на очень узкую аллею, где по сторонам красивые альтанки, Альбрехт оглянулся.

— Красиво.

— Добавочная предосторожность, — ответил я.

— Сэр Ричард?

— Все застыли, — напомнил я, — смотрят в пол, женщины тоже. Никто не может подойти и напасть с кинжалом. А если только шевельнется, все внимание будет на нем. Телохранители перехватят сразу.

— Разумно, — ответил он озадаченно, — то-то никто не смеет приблизиться, чтобы ничего лишнего не подумали. Но все равно спешат навстречу, стараются попасть под ваш взгляд...

— И под ваш тоже, — ответил я. — Не прикидывайтесь, герцог. Ваше высокое положение местные вычислили сразу. Должности при дворе даруются императором по его прихоти... а также его близкими. По крайней мере, так народ думает. Мы-то знаем, что ни один король и ни один император не может руководствоваться прихотями, но с виду все смотрится именно так. Восхотел — одарил, возжелал — отнял все. Потому все так стремятся попасть под мой взгляд или ваш. Сколько здесь народу, уже знаете?

— Двадцать тысяч сто семьдесят придворных, — ответил он моментально, — пять тысяч слуг и лакеев, три тысячи гвардейцев, включая и тех, что охраняют ограду. Это общее число, но кто-то удрал...

Я кивнул, на мой взгляд, задержалась эта эпоха на Юге, задержалась. Потому и такие масштабы. В моем прошлом королевстве у самых великих правителей мира придворных было по пять-десять тысяч, у Людовика в Версале обитало пятнадцать, но дальше мир совершенствовался, короли теряли власть, в Вестминстерском дворце сейчас не больше сотни, и то это последний оплот, а здесь никак не перейдут с этой ступеньки выше...

Аллея раздвоилась, красиво огибая огромный бассейн с бортиком из чистого мрамора, но в центре из воды высится груда нарочито грубо обтесанных камней. Вершину захватили золотые драконы с поднятыми кверху мордами с раскрытыми пастьями, у центрального струя воды вздымается на высоту трехэтажного дома, у окруживших – поменьше. Все как бы создает гармонию или симметрию, в общем, то, что называется красотой и величием. Или прекрасием.

Альбрехт посмотрел на меня изучающе, понизил голос:

– Сэр Ричард... как вам?

– Впечатляет, – ответил я. – Достаточно грандиозно.

Он покачал головой, не сводя с меня пристального взгляда.

– Но вы как-то не слишком... Неужели где-то что-то еще... величественнее?

– Не уверен, – сообщил я. – Но сам такого не видел. Но слышал.

Он кивнул, но, похоже, ответом остался не слишком удо-

влетворен. Я тоже промолчал, не объяснять же, что для меня это как гигантский музей типа Версаля, Шамбора или Букингема в одном флаконе.

Он некоторое время отвечал на приветствия встреченных дам, наконец сказал тихо:

– Улыбайтесь, ваше величество! А то решат, что война уже началась.

Глава 11

Даже без пояснений Альбрехта уже понятно, что, к радости моих орлов, самыми смелыми оказались женщины высшего света. Понимают, в худшем случае эти северные варвары изнасилуют, пустячок для развитого общества, зато возникло много новых возможностей, нужно постараться опередить подруг и соперниц, а о конце света лучше не думать, раз уж повлиять невозможно.

С полудня из дворца за пределы ограды начали выходить самые смелые из местных. На воротах и по всему периметру несут охрану люди Титуса, это успокоило, а самые смелые из самых смелых решились дойти до городских ворот.

Багровый купол Маркуса виден в городе отовсюду. Блистающий металлом и чудовищно грозный, высится над всем миром, но если выйти за охраняемые людьми Титуса ворота, то с пригорка открывается вид на черный зев этого звездного ужаса. Самые отчаянные смельчаки своими глазами видели,

как из той чудовищной пасти выходят и даже выезжают люди, а затем некоторые из них проезжают мимо в сам город!

К полудню таких смельчаков набралось десятки, а затем уже сотни толпились на почтительном расстоянии от Багровой Звезды и жадно смотрели с ужасом и удивлением, как в нее на полном скаку влетают гонцы, а оттуда выезжают то легкие конники, то тяжеловооруженные рыцари на укрытых поверх доспехов красивыми попонами могучих конях.

Слухи, что Багровая Звезда захвачена нами, распространяются молниеносно, и хотя большинство все еще не верят, слишком дико и немыслимо для благополучного общества, разучившегося воевать, однако приходится вести себя так, будто мы и есть властелины этой Багровой Звезды, а та пока что слушается нас, вместо того чтобы просто пожрать всех, разрушить землю и подняться в небо.

Во дворце кипит работа, Альбрехт в аварийном режиме велел собрать всех, кто обслуживает дворец, а также канцеляристов, управителей всех рангов и поставщиков провизии как во все здания, так и в город.

В этом усердно и умело помогает сэр Рокгаллер, единственный, кто сменил тяжелые доспехи на легкий элегантный костюм, что при его тучности пришлось как нельзя кстати. Костюм пусть не такой вычурный и пышный, как у местной знати, но все же горожане начали смотреть на него как на одного из них, хотя он не просто из спасителей-захватчиков, но и военный комендант города, от которого зависит,

жить им или умереть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.